

НАТАЛИЯ ЛЕВИТИНА

ДЕВУШКА
БЕЗ НЕДОСТАТКОВ

Весёлое семейство майора Здоровякина

Наталия Левитина

Девушка без недостатков

«Автор»

2009

Левитина Н.

Девушка без недостатков / Н. Левитина — «Автор»,
2009 — (Весёлое семейство майора Здоровякина)

ISBN 978-5-17-076385-6

«Он был достоин глянцевого обложки журналов. Он мог бы рекламировать коньяк, сигареты „Бонд“ и модную мужскую одежду: для этого у него было все – пронзительная мужественность, великолепный рост, совершенная фигура, кураж в зеленых глазах, твердая, властная линия подбородка, живописные черные брови. И он на самом деле существует? А если потрогать? Наверное, нереальный мужчина сейчас исчезнет из кабинета начальника Лизы, как мираж...» От мужчин одни беды! Вместе с новым заказчиком очаровательная Лиза приобрела кучу проблем, словно кто-то затеял с ней недобрую игру. А вот переводчица Лариса только теряет – сначала жениха, потом деньги и квартиру... У француженки Анн-Мари в России пропал внук, исчез в неизвестном направлении, зато в сопровождении загадочной рыжеволосой бестии. Есть ли связь между этими событиями? И смогут ли прекрасные дамы вернуться к нормальной жизни, обойдясь без помощи отважных рыцарей?

ISBN 978-5-17-076385-6

© Левитина Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталия Левитина

Девушка без недостатков

Париж. Май 2001 года

За неделю, проведенную в Париже, мнение Лизы о собственной привлекательности взметнулось на умопомрачительную высоту. Она сравнивала себя с француженками и находила, что она – гораздо красивее...

...Лиза и ее мама только что совершили головокружительный променад-галоп по Елисейским Полям и, свернув на рю Франсуа, нацелились на фешенебельную авеню Монтань. Там Лизина мама, гений шопинга, безумный магазинофил, планировала растратить последние деньги.

У маленького кафе «Жорж» Лиза взмолилась о пощаде и рухнула в плетеное кресло рядом со свободным столиком. Алина Владимировна – всегда неутомимая и полная энергии, – прощепетав: «Ну, отдохни пока!» – нырнула в парфюмерный бутик напротив. Вход в магазин был отделан фиолетовым мрамором, два одинаковых темно-зеленых деревца, подстриженные в форме пушистых шаров, стояли, словно швейцары, по обе стороны сверкающих золотом и тонированными стеклами дверей.

– ...Елизавета? – донеслось до Лизы справа.

Девушка поставила на столик бокал апельсинового сока и удивленно обернулась. На нее смотрел и улыбался мужчина лет пятидесяти.

– Извините?

– Я сказал, в этом кафе, наверное, можно встретить представителей всего света...

– И правда, – согласилась Лиза.

За соседними столами сидели: пара индианок, замотанных в терракотово-оранжевые сари, живописный араб в девственно-белом одеянии, задумчивый желтолицый японец.

– А вы из России? – доверчиво улыбнулась в ответ Лиза.

– Нет, я живу в Париже. Но русский. А ты из Москвы?

– Что вы! Совсем не из Москвы. Из провинции! Знаете, я живу в чудесном городе и очень его люблю, – подробно ответила Лиза и удивилась, почему ее не возмутил мгновенный переход на «ты». Наверное, потому, что в тоне незнакомца звучала скорее отеческая снисходительность, нежели игривость престарелого ловеласа, решившего подцепить хорошенькую нимфетку. Ну конечно, ее шикарный румянец и блестящие глаза ввели незнакомца в заблуждение. Он наверняка полагает, что малышке лет шестнадцать, не больше.

Лиза бросила молниеносный изучающий взгляд на собеседника. Он сидел вполоборота к девушке, опершись локтем на плетеный подлокотник. Дорогой темно-серый костюм, рубашка были подобраны с исключительным вкусом. Галстук завязан с изысканной небрежностью, позволившей богачам. Из-под манжеты выскользнули на широкое запястье простенькие часы от Картье – черный ремешок из кожи аллигатора и циферблат, усыпанный черными бриллиантами. Отдав дань изысканному облачению собеседника и оценив роскошь аксессуаров, Лиза переключила внимание на умное и тонкое лицо собеседника. Случайный знакомый смотрел серьезно, спокойно, твердо, но одновременно – с грустью. Это был взгляд человека, который принял для себя какое-то окончательное и безрадостное решение.

– С вами что-то случилось? – простодушно поинтересовалась Лиза. Мужчина был ей приятен. И хотелось произвести на него впечатление. Лиза порылась в миниатюрной сумочке и вытянула из открытой пачки тонкую перламутрово-розовую сигарету. Она собиралась очень эффектно закурить, изображая роковую женщину. – С вами что-то произошло? – повторила она.

– Произошло, – согласился незнакомец. – Но это ерунда по сравнению с великолепным майским днем, солнцем, встречей с очаровательной девушкой. Которая опрометчиво полагает, что в клубах сигаретного дыма она будет выглядеть еще привлекательнее.

Лиза покраснела и быстро сунула обратно снаряжение заправского курильщика. Там в сумочке, кстати, лежали и очки без диоптрий в модной оправе, тоже, как и сигареты, являвшиеся частью имиджа «Я уже взрослая!».

– Тебе здесь нравится?

– О, конечно! – воскликнула Лиза. – Чувствую, что попала в самый центр Вселенной. А как тут пахнет! Отличными духами и кофе.

– Французы не утомляют?

– Что вы! Они галантны!

– Не замечал. Поначалу, пока я не выучил язык, они казались мне довольно вредными и высокомерными.

– Я хорошо говорю по-французски, – скромно призналась Лиза. – Мне делают комплименты.

– Любишь путешествовать?

– Да! Я бы только этим и занималась. Путешествовала, узнавала новые страны, делала эскизы, рисовала картины.

– Ты художница?

– Нет, я дизайнер. Но я хорошо рисую, правда.

Мужчина засмеялся.

– Ты непосредственная, живая, открытая. Наверное, хотелось бы вернуться в Париж не с мамой, а с другом? Ведь это город влюбленных.

– О! Как вы угадали? Я думала об этом. Но откуда вы знаете, что я с мамой?

– Я видел. Вы похожи.

– Да, все так говорят.

– А хочешь, я скажу, что ждет тебя в будущем?

– Нет! – громко воспротивилась Лиза. Словно ее визави был патентованный Нострадамус и действительно мог предсказать судьбу с коэффициентом погрешности в одну тысячную единицы. Оранжевые индианки удивленно оглянулись на Лизин протестующий вопль. – Нет! Ничего не хочу знать!

– Не волнуйся! Я не буду вдаваться в подробности. Скажу лишь, что ты обязательно снова вернешься в Париж.

– И все? – удивилась Лиза. – Право, негусто! Раз взялись предсказывать будущее, напроносили бы хоть миллион-другой!

– Думаю, денег тебе и так хватает, – засмеялся мужчина.

– Хватает, – со вздохом согласилась Лиза. – Мы с мамой, конечно, не бедствуем. Вот в Париж выбрались... Но нет, денег всегда недостаточно!

– Не похоже, что этот факт сильно тебя расстраивает.

– Да. Я счастлива. Я люблю весну, я люблю солнце, я в Париже!

– А миллион-другой тебе вполне доступен. Например, удачное замужество. Что ты об этом думаешь?

– Выйти замуж за крутого бизнесмена?

– К примеру. Только, когда ты выйдешь замуж за крутого бизнесмена, и у тебя появятся миллионы, и ты станешь не задумываясь сорить деньгами, вспомни Париж, и это кафе, и ослепительный майский день и, главное, вспомни себя такую, какая ты есть сейчас. Милая, чудесная, искренняя. Постарайся не измениться. Ну, меня вспоминать не обязательно.

Покончив с предсказаниями, словно выполнив миссию, мужчина поднялся, бросил на стол пару купюр и легко дотронулся до Лизино плеча.

- С тобой интересно. Но мне пора. Удачи тебе. И бросай курить. Вернее, не начинай.
- До свидания, – заторможенно ответила Лиза. – И вам удачи.

Она повернула голову, наблюдая, как загадочный предсказатель судьбы пересек улицу и сел в черный автомобиль с парижскими номерами.

– ...Ну и цены! Смотри, купила тебе шелковый шарфик. То есть я купила себе духи, а шарф подарили. Нравится? Ты что такая задумчивая? А я разговорила с одной продавщицей. Представь, русская. Она рекомендовала приехать к осенним распродажам. Фирменные шмотки будут продаваться даром! Кроме того, подсказала адрес магазинчика, куда аристократки сдают наряды от Сен-Лорана и Лапидуса, надетые буквально один раз. Этаким аристократический секонд-хенд.

Лиза безмолвно и отстраненно смотрела на маму, увешанную разноцветными ламинированными пакетами. Она снова вернется в Париж. И не раз.

– Лиза, проснись! – Алина Владимировна уже наматывала на шею дочери шарф цвета лаванды. Энергии, затрачиваемой на операцию, хватило бы на то, чтобы придушить дочурку, как Айседоре Дункан. – Ах, Лиза! Тебе идет!

– Я тоже встретила русского. И мы тоже разговорились.

«Почему он ушел так быстро? Я бы с удовольствием поболтала с ним еще!»

– Да? Цеплялся к тебе? Приставал?

– Что ты! Вовсе нет. Такой интересный. Непонятный. Пообещал, что я скоро выйду замуж за миллионера.

– М-да? – Алина Владимировна внимательно посмотрела на дочь. – Странный гражданин.

– Нет, не странный. Приятный и милый. Почему-то он мне чрезвычайно понравился. А его обещание – шутка, игра. В контексте нашей беседы это звучало вполне естественно. Так, конечно, кажется большой глупостью.

– А... Ну, побежали дальше, доча?

– Побежали, – вздохнула Лиза. – По магазинам больше не пойду. Надоело! – безапелляционно заявила она.

Свежий весенний ветер играл концами яркого шарфа, обдавал холодком голые Лизины шею, плечи, руки. Она провела ладонью по плечу, отмеченному легким прикосновением таинственного незнакомца, и ей стало грустно. Судьба часто навязывает совершенно ненужные и утомительные знакомства. А люди, с которыми хотелось бы дружить, общаться и говорить часами, проходят мимо и растворяются в неизвестности.

Глава 1

– Он очень спокойный мальчик, – неуверенно говорила Мария Здоровякина¹ даме, претендующей на роль гувернантки для ее маленького сына. – Я бы даже сказала – флегматичный. Инертный. Склонный к аутизму.

Потенциальная нянька с недоверием смотрела на Эдика. Тот сидел на диване, предъявленный к осмотру, нарядный и прилизанный, и усиленно таращил голубые глаза, пытаясь соответствовать образу идеального ребенка. Надо сказать, что сидеть неподвижно ему было невероятно трудно. Но он старался ради бедной мамули.

– У вас прохладно. На улице ужасный зной, просто какое-то августовское пекло. Да, кондиционер – отличная вещь, – удовлетворенно заметила дама. Пока это была единственная деталь, понравившаяся ей в квартире Здоровякиных (все остальное, включая обитателей, не радовало строгую женщину).

– Да. У нас кондиционер. И масса прочих удобств. Ваши функции в техническом плане будут максимально облегчены.

– Сколько ему? – осведомилась Татьяна Анатольевна.

– Новый, недавно установили.

– Кого установили? – не поняла Татьяна Анатольевна.

– Новый кондиционер. «Самсунг».

– Я про ребенка спрашиваю! – воскликнула нянька, очевидно поражаясь тупости мамы.

– Ах, про Эдика... Ему год и три. Очень самостоятельный малыш. У вас с ним не будет никаких хлопот. Своевременно пользуется горшком. Спит днем два-три часа. Сам ест. На прогулке больше всего любит сидеть на скамейке. Беготня по лужам – не для него.

«О ком это? – меланхолично подумал Эдик. Его мысли еще не имели четкой формы предложений, но суть угадывалась. – Кто спит днем два-три часа? Неужели я?»

– Если он такой спокойный и вы не работаете, то зачем же вам нянька? – подозрительно спросила Татьяна Анатольевна.

– В том-то и дело, что я работаю! – горячо возразила Маша. – Видите компьютер? Я день и ночь занята у компьютера.

– И ваш суперспокойный, флегматичный ребенок вам мешает? – саркастически усмехнулась претендентка.

– Все дело в том, что он тоже активно интересуется техникой, – вздохнула Маша (последний игровой эпизод с участием Эдика и сканера стоил сканеру жизни. Исследователь-испытатель отделался легким испугом).

Марии приходилось быть весьма терпеливой с Татьяной Анатольевной, так как это была восьмая по счету бебиситтер, приглашенная в дом. Семь предыдущих бесславно сбежали. Никто не выдерживал и пары недель в обществе веселого здоровякинского потомства. Кроме того, мало кто хотел нянчиться с младенцем в присутствии матери. Все Мэри Поппинс, как одна, желали иметь малютку в полновластном распоряжении, и наличие в доме Маши (пусть и закрывшейся в комнате с компьютером) мешало им слиться в воспитательном экстазе с вверенным материалом.

– А у вас еще и кошки? – недовольно посмотрела Татьяна Анатольевна на котенка, заглянувшего в комнату. Кот имел вид затравленного, психически нестабильного существа.

¹ Маша Здоровякина – одна из героинь книги «Экстремальная Маргарита».

При виде мишени Эдик востропнулся, его голубые глазки плотоядно сверкнули, ресницы-опалахала дрогнули. Детеныш дернулся в сторону животного, но строгий взгляд матери пригвоздил его к дивану. Кот, уловив движение Эдика, быстро смылся из комнаты.

– Коты временно! – закричала Маша. – Понимаете, друг мужа... Кошка друга мужа... В общем, у него кошка рожает и рождает...

Тут Мария остановилась, задумалась и потом нервно хихикнула. Ей пришло на ум сравнение себя самой с этой беспрестанно рожающей кошкой, окруженной подвижными, вездесущими и всепроникающими детьми.

Татьяна Анатольевна с опаской посмотрела на Машу. Маша поймала ее взгляд, представила, как выглядит в глазах гувернантки – странноватая, дерганая, нервно хихикающая мамаша, – и прыснула еще раз. Эдик тоже засмеялся. За компанию.

– ...В общем, кошка рожает, а он не знает, куда девать котят. Нам подкинул двоих. Одного зовут Микрочип, другого – Мегабайт. Но мы конечно же их кому-нибудь отдадим. Пристроим. Не волнуйтесь!

– Котят надо топить. Или усыплять, – твердо, с металлом в голосе произнесла Татьяна Анатольевна.

Маша вздрогнула. Учítывая, что мадам имела тридцатилетний педагогический стаж, подобная категоричность была вполне объяснима.

– Ладно. Вы меня уговорили. Хотя... Конечно, с моим опытом и рекомендациями я бы подыскала место получше. Без котов. И с более солидной оплатой.

– Отлично! – обрадовалась Маша. – О деньгах не беспокойтесь. Прибавим, если что. Единственно... Я вам еще не сказала...

– Что?

– Эдик у меня не единственный ребенок...

– Правда?

– У меня есть еще сын... – замялась Маша, не зная, как продолжить.

Татьяна Анатольевна поджала губы.

– Вернее, два. Да. Да, еще два ребенка, – определилась наконец с количеством детей Мария. – Близнецы. Леша и Антоша.

Татьяна Анатольевна и вовсе нахмурила брови.

– Итого, три штуки, – холодно резюмировала она.

– Но они ходят в детский сад! – заверила Маша. – Они все время ходят в садик! Они так любят туда ходить! Просто удивительно, как дети любят детсад! Они в восторге от него!

– Речь вообще-то шла об одном ребенке, – заметила Татьяна Анатольевна ледяным тоном. Повеяло стужей, морозом.

– Да, так оно и есть! – страстно закивала головой Маша. – Близнецов вы не увидите. Я их и сама редко вижу...

– Ладно, – хмыкнула Татьяна Анатольевна. – Я остаюсь.

Мария вздохнула, как человек, выполнивший непосильную, тяжелую работу. Новоиспеченная нянька обернулась к Эдику, протянула к нему руки, приглашая ребенка в мягкие объятия 54-го размера, и заворковала профессионально нежным, умильным голоском:

– Ну, иди ко мне, холосый, лапусечка-холосусечка моя ненаглядная!

Эдик внимательно осмотрел очередную предложенную ему на растерзание миссис и загадочно улыбнулся...

Глава 2

В офисе московского представительства компании «Де Грос» (Франция) витало настроение переезда. Файлы с документами, сваленные беспорядочными кучами на столах, выпотрошенные шкафы, покрасневшие от натуги машинки для уничтожения бумаг. Через пару недель представительство закрывалось. Сотрудники-французы собирались домой, москвичи подыскивали новые места работы.

Еще месяц назад Лариса Бояринова расценила бы факт закрытия фирмы как новое подтверждение собственной фатальной неудачливости. Она проработала переводчицей в московском офисе «Де Грос» год, ей стоило невероятных усилий попасть в престижную стабильную фирму, и Лариса дорожила местом. Бесплатные обеды, поездки, стажировки, подарки, тренинги, презентации... А размер вознаграждения, вручаемого каждые две недели в голубом конверте, имел непревзойденный стимулирующий эффект.

Теперь лавочка закрылась, нужно было суетиться, рассылать резюме, бегать на собеседования. Ничего хорошего. И всего месяц назад Лариса сказала бы: мне опять не повезло! Мне никогда не везет! Я знала, что так случится... Она привыкла считать себя закоренелой неудачницей.

В двадцать два года она простилась с мыслью, что можно достичь больших высот в плане профессиональной компетенции, в двадцать пять – бесславно капитулировала в борьбе с лишними тринадцатью килограммами, в двадцать семь – похоронила идею об удачном замужестве. В двадцать восемь, получив уведомление о закрытии офиса «Де Грос», Лариса самозабвенно предавалась бы депрессии, если бы... Если бы в ее жизни не произошло событие.

Три недели назад из интернетовских джунглей, из миганий модема и напряженного потрескивания пентиума, возник Он – долгожданный и вымечтанный. Все предыдущие попытки найти бойфренда через сеть оканчивались горьким разочарованием. И теперь Лариса до последнего не верила в удачу, боялась, что встреча с реальным Олегом разрушит пленительный, придуманный образ.

На свидание пришел... приехал... – нет, не на сверкающем мордатом автомобиле, а на метро – обыкновенный парень в белой футболке и джинсах «Магнет». Широкоплечий автослесарь с ясным синим взором, лучезарный, темноволосый. Легкий запах лосьона после бритья смешивался с запахом бензина. Отличный двадцатипятилетний мужик, крепкий, как молодой буйвол, и простой, как пакетик чипсов, надежный, с выпуклыми бицепсами-трицепсами, загорелый. Твердой рукой с вьевшимся в капиллярную сеточку пальцев мазутом Олег протянул Ларисе букет из чайных роз.

Чем мог разочаровать подобный супермен девицу (уже весьма условно попадающую в категорию «девицы»), которая не питает иллюзий насчет своей внешности и почти смирилась с перманентным одиночеством? Только явными признаками прогрессирующего кретинизма, или милой привычкой яростно сморкаться в несвежий носовой платок, или откровенным признанием, что в постели от него такая же польза, как от плюшевого мишки.

Автослесарь Олег одурманил переводчицу одновременно и бесповоротно. Он был щедр (тут же повел в ресторан), рассудителен, улыбчив, внимателен. Бесхитростно, в незамысловатых выражениях похвалил Ларисины глаза, волосы, цвет лица, красивую форму рук и ног, приятную округлость стана. Лариса и не подозревала в себе подобных достоинств. Она засмущалась, запротестовала, прозрачно намекнула на проблемы с лишним весом, целлюлит. «Целлюлит! – восхитился Олег. – Я слышал об этом! С ним мягче!»

Конечно, он был менее образован и довольно часто неправильно ставил ударения, однако, как и все мужчины, грамотно рассуждал о политике, о спорте, о ситуации в мире, о глобализации и финансовых рынках. К тому же лихо стучал клавишами компьютера (вылавливал

в Интернете сайты фривольного содержания) и был способен починить все, что в принципе могло сломаться, – от кофемолки до «крайслера».

Его трудолюбие не знало границ. Олег за одну неделю расправился с многовековыми бытовыми неприятностями Ларисы и ее соседей по коммуналке: ввинтил недостающие шурупы, прибил все гвозди, просверлил, подмазал, вправил, залатал, подтянул гаечным ключом. Соседских младенцев при появлении Олега охватывала эйфория – он был и тигром, и Спайдерменом, и гиппопотамом, и телепузиком, кидался мячом, лаял, стрелял из пластмассового автомата...

Вскоре подали заявление. Прорисовывалась роскошная перспектива в плане отдельного жилья. И Лариса, и Олег в данный момент занимались продажей личных комнат в коммуналах (на этой почве и завязалась у них беседа в интернетовском чате). Присовокупив к вырученному от реализации комнат деньгам сбережения обеих сторон, можно было рассчитывать на приличную двухкомнатную квартиру. Лариса стала подолгу задерживаться в магазинах стройматериалов, сладко фантазируя около стендов с виниловыми обоями, напольным покрытием, линолеумом и кафелем.

Олег первым закончил дела с продажей и принес в клюве три тугие пачки долларов. «Это я получил за комнату, – сказал он, – плюс то, что насобирал ремонтом иномарок. Спрячь куда-нибудь. Не в банк же нести».

Подобное безграничное доверие тронуло Ларису. Обливаясь слезами умиления, она припрятала сверток в тайник под плинтусом. Там же покоились до поры до времени ее собственные накопления. Вскоре и ее комната была продана. В совместных страстных грезах влюбленные дождались торжественного дня в начале августа – сегодня они должны были отправиться к нотариусу, чтобы подписать договор на покупку двухкомнатной квартиры (третий этаж десятиэтажки, 53/20/10/9, кладовка, лоджия, телефон, железная дверь – короче, предел мечтаний) и передать риелтору деньги...

Чтобы провернуть операцию с нотариусом, Ларисе необходимо было отпроситься с работы. Ее непосредственным боссом являлся француз Поль Деманже – весь год работы в «Де Грос» Лариса была пристегнута к нему, как бирка к чемодану.

Воодушевленная и радостная, переводчица направилась в кабинет шефа. За окном стоял чудесный летний день, теплый и ветреный, настроение Ларисы было приподнятым, праздничным. Куда девалась закомплексованная, невзрачная толстушка, слабохарактерная и безвольная? Сейчас Лариса ощущала себя привлекательной и даже красивой женщиной («Самый сок!» – горячо утверждал Олег). Она была любима, и поэтому цвела и благоухала, она была желанной и единственной. Мужчины чутко реагировали на это и говорили комплименты. Непривычная к комплиментам Лариса расцветала еще ярче, искрилась и сияла. Она не хотела вспоминать ту неудачницу, какой была всего несколько недель назад.

У двадцатисемилетнего Поля Деманже были собственные, довольно экзотические представления о внешнем виде руководителя. Сегодня он облачился в рубашку с игривыми крокодильчиками на светло-розовом фоне. Три верхние пуговицы были расстегнуты, позволяя всем желающим насладиться видом умеренно волосатой груди. Только двадцатиградусная температура воздуха уберегла Поля от мысли облачиться в любимый кожаный пиджак вишневого цвета. Но солнцезащитные очки с нежно-лиловыми линзами он не снимал и в офисе. Вероятно, предпочитал видеть жизнь розовой. Впрочем Лариса знала, что у Поля есть другие, более эффективные приемы улучшить мировосприятие. Мсье любил вино, водку, женщин и дорогие рафинированные наркотики. При этом оставался ловким, подкованным юристом и сделал бы приличную карьеру у себя на родине, во Франции, если бы умел обуздывать бушующую в нем страсть к бесконечным удовольствиям.

– Поль, я исчезну? – спросила Лариса, заглядывая в кабинет босса.

– Es-tu fatiguée, устала? Дела? Свидание? Мужчина? Секс? – Поль швырнул на стол бумаги. Мизинцем правой руки он почесывал коротко стриженную беспутную голову, подвергая шевелюру опасности воспламенения, так как между средним и указательным пальцами дымилась сигарета. В ухе у Поля болталась золотая серьга. – Ах, tu es charmante! Кайфно выглядишь, подруга!

Лариса зарделась.

– Нужно к нотариусу. Оформлять договор на квартиру, – счастливо улыбнулась она. – Покупаю двухкомнатную.

– Wow! – обрадовался Поль. – Будем обмывать! – Молодой француз быстро усвоил и русские выражения, и русские обычаи. – Давай, топай! Шевели протезами! А то опоздаешь. Стой! Ты заказала мне билеты?

– Конечно, – остановилась на полпути Лариса. – На тринадцатое августа. Рейс 268 компании «Трансвэйз».

– Это приличная авиакомпания? – капризно прогнусавил Поль. – Ты меня не угробишь?

– Полетишь на «боинге». Затем рейсом 267 обратно в Москву. А билеты Москва – Париж будешь заказывать уже сам.

– Ладно, справлюсь, хотя и не понимаю, почему это дело повесили именно на меня. Летел бы сейчас домой, в Paris! Не поверишь, скучаю. Здесь, конечно, хорошо, весело (практически каждую ночь Поль Деманже отрывался в ночных клубах), – красивые filles, девчонки, mais... Но... Я хочу домой!

– Успеешь еще, – снисходительно успокоила начальника Лариса. Для всех сотрудников в представительстве «Де Грос» Поль Деманже был enfant terrible, ужасный ребенок, непутевый, испорченный, красивый, любимый. – До свидания!

– Чао!

Поль Деманже погладил взглядом упитанную спину (и ниже) переводчицы и вновь принялся за бумаги. Его лицо приобрело... нет, не тоскливое выражение пятиклассника, истязаемого домашним заданием. Напротив, он читал текст заинтересованно и внимательно. Через секунду Деманже схватил ручку и стал азартно черкать на полях. Он нашел какое-то юридическое несоответствие в документе.

Кроме Ларисы Бояриновой, в коммунальной трехкомнатной квартире жили две молодых семьи с детьми. Несмотря на тесноту, соседям удавалось сохранять дружеские отношения. Известие о продаже Ларисиной комнаты воспринялось драматически, почти со вселенской скорбью. Было неясно, что ждать от нового жильца. А если это окажется еще одна молодая семья с парочкой короедов? О-о-о... Технические резервы квартиры и так были исчерпаны. Сантехника звенела от натуги и грозила рассыпаться – ее эксплуатировали напряженно, самозабвенно!

Но все, конечно, порадовались Ларисину счастью.

– Ох и повезло же! – вздохнула Анфиса. Она энергично мешала манную кашу, истребляя комки. – Я без ума от Олежки! Он такой...

– Хорошо, у кого есть Интернет! Взяла и познакомилась с пареньком! – вздохнула Валентина. Валентина нежно подпирала крутым боком Анфису – она варила суп и, зависнув над кастрюлей, стригла в бульон оранжевую морковку.

– Да нам уж куда знакомиться! – вздохнула Анфиса. – Мы с тобой все... Отзнакомились. Вон, блин, результаты знакомства шлындают... Оставь пылесос, оставь пылесос, я тебе сказала!!! Один уже сломали, изверги! – заорала Анфиса басом.

– Ты, Ларисочка, с детьми не торопись! – посоветовала Валентина. – Поживи для себя!

– Как это – не торопись! Спятила ты, что ли? – возмутилась Анфиса. – Ты забыла, ей ведь двадцать восемь! Тридцатник скоро. Пора! Куда деваться.

– Ну и будет как мы – у плиты да над тазиком. Что за жизнь!

– Ой, да Олег ей быт благоустроит! Он хозяйственный. На квартиру заработал. Он и на стиральную машину заработает, и на кухонный комбайн. Не то что наши оболтусы.

– Ларис, а ты чего сидишь-то, с нами лясы точишь? – опомнилась Валентина. – Ты же к нотариусу опоздаешь!

– Я ведь жду Олега, – расслабленно улыбнулась Лариса. Ей было жарко. Кухня раскалилась от синего пламени включенных конфорок, от кипящего бульона и горячих боков плохо отмытых кастрюль. Лариса сидела у стены и разглядывала потрескавшуюся кафельную плитку, серый от чада потолок, отвратительные липкие полосы с мухами, стол в нагромождении тарелок, кривых алюминиевых ковшиков, жестяных банок с крупой... Она смотрела на бедных затурканных подруг и думала о своем счастье, о начале новой жизни.

Валентина и Анфиса переглянулись.

– Постой, а записку-то ты не прочитала?

– Какую записку? – удивилась Лариса.

– Олег сказал, что тебе напишет подробную инструкцию. Он утром приходил.

– Так дайте мне ее! Где она? – вскочила с табуретки Лариса.

Подруги переглянулись еще раз – теперь изумленно.

– Он у тебя в комнате оставил. На столе. Ты не заметила?

Не заметила? Естественно, она ничего не заметила! Что-то неприятное, тупое, холодное дернулось в груди у Ларисы.

– Как он мог оставить записку на столе, если у него нет ключа от моей комнаты?! – воскликнула она.

На самом деле, продав жилые метры, Олег переехал не к Ларисе, а к какому-то приятелю. Коммунальный унитаз и раковина не выдержали бы еще одного активного пользователя. И Олег отказался брать запасной ключ от Ларисиной комнаты, здраво рассудив, что когда в комнате нет Ларисы, то и ему там делать нечего.

– Олег сказал, ты дала ему ключ.

– Нет же! – в отчаянии крикнула Лариса. Она метнулась к себе, уже точно зная, что никакой записки там нет. Если б была – она давно бы ее увидела. Кровать, заправленная с солдатской аккуратностью, письменный стол. Стопки книг, компьютер, купленный с рук. Никакой записки. Пульс сто десять ударов в минуту. Конвульсивные сокращения сердечной мышцы. Сто двадцать, сто сорок, сто пятьдесят!

Валентина и Анфиса осторожно возникли в дверном проеме.

– Нет? – тихо спросили они.

– Девочки, я не давала ему ключ, – упавшим голосом повторила Лариса.

– А это... Деньги на квартиру... Они как... У тебя или у него были?

Лариса конечно же не посвящала подруг в тайну несметного богатства, похороненного под облупленным плинтусом в ее комнате. Как юная газель, переводчица прыгнула в угол. Белая от зародившегося подозрения, влажными руками она отодрала деревяшку и вытянула сверток. Лариса знала – это деньги Олега. Больше в тайнике ничего не было.

Увидев сверток, девушки обрадованно зашевелились, завздохали. Они решили, что все цело, все на месте, а история с ключом и запиской скоро прояснится.

Но Лариса, в ужасе внезапного озарения, медленно развернула пакет. Три тугие пачки долларов, как и прежде, радовали глаз.

– Ух ты! – восхитились подруги. Они видели подобные «котлеты» по телевизору, но в руках никогда не держали.

Лариса распотрошила одну пачку, вторую, третью... Внутри оказалась аккуратно нарезанная бумага.

Статный, крепкий парень. Сильный, добрый, симпатичный... Он смотрел на нее ярко-синими глазами, отводил от лица волосы, гладил по щеке тыльной стороной ладони («у тебя потрясающе нежная кожа!»)... Он называл ее «малюсенькой»!

Две стодолларовые купюры и четыре по полтиннику. Итого – четыреста долларов. Такой невероятной суммой располагала теперь Лариса. Такая невероятная сумма осталась теперь у нее в руках в результате продажи комнаты и после нескольких лет тотальной, изматывающей экономии.

Ошарашенная, потрясенная, она сидела на стуле в покрывале никчемных бумажных прямоугольников. Оставалась слабая надежда, что синеглазый автослесарь просто неудачно пошутит.

Лариса не слышала, как в коридоре разлился неприятной трескотней допотопный телефонный аппарат.

В комнату, ей уже не принадлежавшую, заглянула Валентина.

– Там твой риелтор звонит, – убитым тоном сообщила она. – Нервничает. Говорит, уже два часа с продавцом ждут вас у нотариуса. Что ему сказать?..

Глава 3

В семь утра сработал таймер у музыкального центра, и комната наполнилась голосом Земфиры. Маша резко подскочила, едва не уронив Эдика. Детеныш, несмотря на запреты и убеждения, ночью вновь приперся спать с мамой и вконец измучил родительницу сопением, пыхтением, беспрестанной возней. Кроме того, из-под подушки торчали два хвоста – валдаевские котята тоже предпочитали делить кровать с Марией.

С легкой грустью вспоминая благодатные времена, когда она встречала рассвет за ноутбуком, Маша подсунула спящего Эдика Илье и отправилась будить близнецов.

Но в этом не было необходимости. Четырехлетние юноши, очевидно, уже давно проснулись, так как в их спальне работал телевизор. На экране заманчиво извивались полуобнаженные девицы. Алексей и Антон сосредоточенно наблюдали за движениями голых поп и подпрыгиванием почти неприкрытых бюстов.

- Это что? – отпрянула Маша. – Доброе утро! Что вы смотрите?
- Клип, – лаконично ответили близнецы. – Пульт под кроватью.
- Почему он под кроватью?
- Упал.

Маша сползала под кровать, отыскивала пульт и выключила телевизор. Парни разочарованно вздохнули, но не протестовали. Они знали, что сейчас отправятся в детсад, а это всегда таило в себе интригу и обещало радостные приключения...

Подержанная белая «тойота» с правым рулем ловко маневрировала в утреннем потоке автомобилей. Иномаркой управляла Лиза Виноградова. Рядом с ней сидела Маша, на заднем сиденье развалились, словно поп-звезды в лимузине, здоровякинские близнецы. Они тянули сок из коробочек. Время от времени, проникаясь сочувствием к подруге, обремененной тремя бандитствующими элементами, Лиза подбрасывала Марию и детей до садика.

Лиза Виноградова работала в дизайнерской фирме «Артиссимо». В марте, когда Здоровякины взамен старой квартиры обзавелись четырехкомнатной в фешенебельном трехэтажном доме № 17 по улице Первомайской, Маша обратилась в «Артиссимо» с просьбой довести до ума жилище.

Более милой сердцу клиентки, чем Мария Здоровякина, ни до, ни после у Лизы не было. Никаких воплей по поводу «неправильно!» выбранного оттенка кафеля, никаких соплей насчет «ужасной!» черной точки на перилах дубовой лестницы – с чем постоянно сталкивалась Лиза, работая с другими заказчиками, в основном новыми русскими. Маша только попросила, чтобы все было просто, удобно, без острых углов. И чтобы компьютерная техника стояла в уединенном уголке. И поменьше мебели, с которой можно спрыгнуть. И чтобы конструкция книжных полок не позволяла некоторым обезьянам взбираться по ним под самый потолок. И чтобы зазор под кроватями не давал возможности втиснуться туда и застрять безмозглым существам весом в 18 килограммов. А в остальном Елизавета Виноградова получила стопроцентный карт-бланш. И блистательно справилась со всеми поставленными задачами. С тех пор они с Машей стали близкими подругами...

– ...Вчера они кинули в кастрюлю с общественным супом трех растущих покемонов. Бабушка подарила. То есть моя свекровь, – продолжала Мария горестное повествование о проделках сочной поросли.

- А что это? – удивилась Лиза.
- Такие маленькие фигурки. В воде увеличиваются до невероятных размеров. И в супе тоже. Вся группа осталась без супа.
- Суп мерзкий! – донеслось с заднего сиденья.
- А вас не спрашивают, – с искренней любовью рывкнула Маша.

- Не дерзи! – получила она в ответ.
- Препираются! – восхитилась Лиза. – А вроде бы совсем малыши!
- Угу, малыши. Суп, значит, мерзкий. А методическая разработка объемом в двадцать печатных листов вкусная? Зачем вы ее съели? Воспитательница собиралась повесить разряд, три месяца готовилась!
- Мы львы! – закричали близнецы. – Мы питаемся!
- Постой-постой, – уточнила Лиза, – они съели двадцать печатных листов, и им ничего не было?
- Как это не было! Полдня простояли в углу.
- Нет, а животы не болели?
- Ничего у них не болело. Особенно у них не болела совесть. По причине полного отсутствия. А зачем вы вчера искушали бедную Ксюшу?
- Мы крокодилы! – зашлись в восторге дети. – Мы хотим кусаться!
- Лиза, я думала, Ксюшина мама сама меня сожрет, как крокодил.
- Бедная Маша.
- Да уж, и впрямь бедная, – вздохнула Маша. – Заведующая в пятый раз посоветовала мне показать сладких детишек психологу. Ах, не знаю, что вы будете делать дальше! У вас совершенно неуправляемые дети! Реактивные! Знаете, это ведь не шутки! Тут речь идет о неполноценности! Неизвестно, во что выльется такое вот поведение... – противным голосом изобразила заведующую Мария.
- Мы классные! – завопили с заднего сиденья. – Мы отличные молодые люди. Мама, ты нас любишь?!?!
- Мария Здоровякина шмыгнула носом.
- Мама, ты нас любишь?!?! – наполнил салон душераздирающий вой. Детям требовалась любовь, несмотря на растущих покемонов, искусанную Ксюшу и подозрение в умственной неполноценности.
- Я вас обожаю! – заверила Маша. – Только, пожалуйста, пусть сегодня ваш садик еще немного постоит. Не взрывайте его сразу.

Один раз вкусив сладость секса, Пульсатилла отпустила тормоза. И в этом не было бы ничего плохого, если бы не комплекты разномастных котят, выдаваемые на-гора персидской красоткой с удручающим постоянством. Получив в зубы очередную порцию писклявого, слепого, жалкого в своей беспомощности потомства, Александр хватался сначала за сердце, потом за голову и начинал носиться по городу, словно Карлсон, уговаривая знакомых взять «ну хотя бы одного!» котенка.

– Нет, Пульсатилла, я тебя не понимаю! – выговаривал Саша Валдаев² любвеобильной персиянке.

Хотя в глубине души он превосходно ее понимал. Он тоже безгранично любил секс. Но при чем здесь дети!

– Я тебя не понимаю, Пульсатилла! Сколько раз я тебя просил: не исчезай! Подожди! Я приведу тебе кота. Порядочного, приличного парня с родословной. Пушистого, голубого. Нет, нет, не в этом смысле голубого, я неправильно выразился. Серого, как и ты. И породистого! Чтобы потом людям было не стыдно в глаза смотреть! А ты? Почему тебя тянет на всякое быдло? С кем ты спишь, Пульсатилла? Ты, аристократка?

Глубина падения бессовестной кошки потрясала. Аристократизм и развращенность сочлелись в ней, как в пресытившейся виконтессе из свиты Людовика XV, которая в маске и плаще выскальзывает из золоченых покоев родового замка, чтобы тайно и вожаденно отдаться гру-

² О приключениях А. Валдаева и И. Здоровякина читайте в книге «Экстремальная Маргарита».

бому, пропахшему потом, несвежим тряпьем и рыбными потрохами торговцу на городском рынке.

Дети были милы, игривы, но неконкурентоспособны. Зачастую в одном экземпляре сочетались роскошные персидские щеки, туловище сиамца и сибирский хвост. Это удручало и подтверждало всеядность Пульсатиллы в выборе сексуальных партнеров.

– И вот опять, снова, в очередной раз! Сарделька антарктическая! – убито восклицал Валдаев, сноровисто, как опытный гинеколог, ощупывая тугой живот Пульсатиллы. Пульсатилла урчала от удовольствия. Она пропускала мимо ушей гневные тирады хозяина, она не сомневалась, что он все равно ее любит. – Ну, погоди! Дождешься! Отправлю на аборт! И вообще задушу!

Пульсатилла вылезла из-под приятно тяжелой руки Валдаева и, покачивая поднятым хвостом, как эквилибристка веером, спокойно проследовала на кухню. Там она неуклюже вскарабкалась на стол, потом на подоконник и уставилась в окно. Под окном – Пульсатилла не видела, но знала – сверкал лаком практически новенький и горячо обожаемый Александром «лендровер», и Пульсатилла намекала, чтобы Валдаев перестал гундеть над ухом, а ехал туда, куда и собирался, – на работу.

Считается, что иногда (наверное, в крайне редких случаях) любовница, ярким Сириусом вспыхнув на небосклоне семейной жизни, способна не разрушить, а укрепить отношения супругов.

Виноватый муж, не получив от измены особой радости, приползет к ногам несчастной, но милосердной жены, и их совместное существование пропитается соком новой, неизведанной страсти... И все у них будет хорошо. Даже прекрасно.

«Как бы не так!» – размышлял Здоровякин, поджидая на перекрестке Валдаева. Серебристый автомобиль вот-вот должен был показаться из-за поворота.

Настасья ворвалась в жизнь Здоровякиных два года назад и прошлась по ней огнем и мечом. Позади осталось вытоптанное поле, словно по хрупким зеленым росткам промчалась на резвых скакунах охотничья процессия – с зайцами, борзыми, свистом, улюлюканьем и звуком рожков.

Загадочным образом на этом пепелище проклюнулся свежий побег. Руководствуясь инструкцией, почерпнутой в анекдоте, Илья пришел к Маше извиняться за то, что оставил ее с двумя детьми. Очевидно, покаяние Здоровякина было не на шутку убедительным, так как в результате на свет появился лупоглазый, белобрысый, деятельный Эдик. Но и он не смог возродить прежние взаимоотношения родителей.

Интеллигентные люди, Маша и Илья были теперь обречены на крепкую дружбу – три пары детских глаз ежеминутно экзаменовали их, проверяя стабильность уз. Однако, когда детей не было поблизости, Здоровякины давали волю южноитальянским эмоциям. Куда делся непробиваемо спокойный, по-шведски сдержанный Илья? Куда исчезла веселая, неунывающая Мария?

«Неужели надо разводиться?» – с затаенным ужасом и надеждой подумал Здоровякин. Но это было совершенно бредовой идеей – оставить Машу с тремя детьми. Один раз он уже попытался оставить ее с двумя, и что получилось? Все равно вернулся. Если он уйдет сейчас, то можно предположить, что в порыве самобичевания он вскоре соорудит еще одного младенца. И тогда...

– Привет! – радостно крикнул Валдаев. – Залазь! Чего нос повесил? Опять с Марией поругался?

– Да, – буркнул Илья. – И снова из-за ерунды!

Довольная физиономия друга подсказала Илье, на ком сорвать злость.

– Ты котов когда-нибудь заберешь или нет? – возмущенно рявкнул он.

Валдаев от неожиданности вздрогнул:

– Ты чего?

– Ничего! Представь, что у нас творится в квартире, а? Еще твои коты под ногами шастают.

– У вас четыре комнаты, а у меня одна, – резонно заметил Саша. – Ладно, не кипятись. Все наладится.

– За два года ведь не наладилось!

– Однако вы все еще вместе.

– Куда ж деваться? – обреченно вздохнул Илья. – Вместе – трудно, расстаться – дети страдают.

– Ой, не надо, – возразил Валдаев. – Когда ты рвался к Настасье, как Матросов к амбразуре, ты больно-то о детях думал? То-то и оно. Значит, делаем вывод, что сейчас тебя подле Маши удерживает не боязнь повредить неустоявшуюся детскую психику, а истинное чувство. Правда, глубоко спрятанное. Вы за эти два года столько всего наговорили друг другу, что любовь ушла в подполье. Она переживает. Когда вы опомнитесь, придете в себя, она вновь выползет на свет Божий. Попрет изо всех щелей, будь здоров... Так что запасайся презервативами.

– Ты считаешь? – с надеждой спросил Здоровякин. Все-таки по натуре он был семьянином. И страстно желал спокойного счастья. Доброй жены, удачных детей.

– Угу.

– И у нас все снова станет, как прежде? Ты помнишь то время?

– Чудесные времена! – вздохнул Валдаев. Ему тоже было о чем тосковать. Именно в тот период в его жизни появилась эксцентричная, яркая подруга с красивым именем Маргарита.

– Но Машка просто невыносима, – опять вспомнил Илья. – Язвительна, саркастична, безжалостна! Я и не знал, что она станет такой!

– Негодяй! – восхитился Александр. – Какой прожженный, матерый, португальский негодяище! Ты ведь сам ее такой сделал! Представь, что ты беременная женщина, и у тебя начались схватки...

– Сдурел ты, что ли, Саня!

– ...и тебя, красного и лохматого от ужаса и испытываемых прелестных ощущений, везут в роддом. А куда едет в это время твой муж? Твой прыткий муж едет на заключительное слушание по делу Настасьи, коварной разлучницы. Разве такое прощают?

Здоровякин побагровел от стыда и ярости и сжал огромные кулаки.

– Если собираешься меня размазать по сиденью, как сливочный крем по тарту, не забудь, что я в данный момент веду автомобиль, – быстро напомнил Валдаев, оглядываясь на разъяренного друга. – Кстати, о сиденье... Там лежала моя труба. Ты что, опять на ней сидишь?

Глава 4

Несчастное, жалкое существо с воспаленными от слез глазами и опухшим ртом – да, вид у Ларисы Бояриновой, когда она возникла в автомастерской, был безумно привлекателен.

Лариса появилась в автосервисе «Аспект» около станции метро «Шоссе Энтузиастов» конечно же не для того, чтобы поменять свечи в «мерседесе», – личной машины у нее никогда не было. Она приехала сюда в робкой надежде вновь увидеть слесаря Олега Данилкина – бесчестного, макиавеллиевски хитрого, жестокого и... любимого.

Два дня беспрестанных слез. Лариса не смогла бы сказать, о чем она жалеет больше: о деньгах, отнятых у нее обманом, или о разбитой в мириады розовых осколков мечте. Мечте о классном, добром, веселом, обаятельном, ласковом, умелом, сильном парне, которым Олег Данилкин на самом деле никогда и не был. Мужчина, влюбивший в себя скромную переводчицу, никогда не существовал на свете, это был продукт творческой изобретательности Олега, умноженной на страстное желание Ларисы быть кем-то любимой. Светлый образ, фантом, ирреальность. Даже если бы Олег не прихватил с собой вымученные экономией и продажей коммунальной комнаты доллары – то и тогда Лариса Бояринова имела бы убедительный повод для слез по крайней мере на полгода. Где еще найдешь такого шикарного мужика?

Менеджер автосервиса почему-то сразу решил, что зареванная барышня озабочена поиском работы. Наверное, из-за того, что девушка приковыляла к воротам сервиса на своих двоих, а не подъехала, возбужденно пофыркивая мотором. И вероятно, Лариса была не первая, кому сегодня пришлось отказывать.

– Нет, нет, вы нам не подходите! – резко и нервно сказал он, оглядывая лжепретендентку. Менеджеру было жарко, капельки пота выступили на загорелом, исчерченном тремя глубокими горизонтальными морщинами лбе. Мужчина был раздражен и недоволен. – Нет, девочки, я вам удивляюсь! Вы что, читать не умеете?!

– Я умею, – не согласилась Лариса, – я хотела...

– Ведь вроде бы все ясно написано, а? Нет, и все равно...

Мужчина возмущенно, почти гневно смотрел на Ларису.

– Я только хотела...

– Хорошо, давайте вместе прочитаем! – Менеджер полез в карман рубашки и вытащил сложенную квадратиком вырезку из газеты. – Смотрите, тут черным по бе... вернее, черным по желтому написано: «Автомойка приглашает энергичных, привлекательных девушек от 18 до 23 лет для мытья машин». Ну? Энергичных! Привлекательных! Де-ву-шек!!! От восемнадцати до двадцати трех!

Во взгляде управляющего ясно читалось, что ни одному из требований Лариса не отвечает.

– Да вы послушайте меня, в конце-то концов! – возмутилась она. – Где найти Олега Данилкина? Он у вас работает автослесарем.

– Так вы не по объявлению? – вмиг подобрел менеджер. – Так бы сразу и сказали. Я решил... Извините. Видели бы вы, кто только не пытается выдать себя за энергичную девушку восемнадцати лет.

– Я не пытаюсь. Так он у вас работает?

– Нет. Вы, наверное, что-то перепутали. Олег Данилкин у нас не работает.

– Точно? – упавшим голосом произнесла Лариса. Она подозревала, что услышит подобное, но надежда – пронзительно-чистая и звенящая – жила в ней, и не хотелось ее топтать грубыми армейскими ботинками.

– Естественно, – отмахнулся менеджер. Он внимательно изучал Ларису, присматривался. – Я же знаю всех наперечет. Никогда в жизни у нас не работал Олег Данилкин. И ничего похожего. А вам сколько?

– Что?

– Лет сколько?

– Двадцать восемь.

– Ну ладно. Тоже неплохо. Уговорили. Только надо бы лицо повеселее. Ну и накраситься. Макияж. Причесочку. Давайте, подштукатурьтесь и приходите завтра к восьми. О'кей?

Лариса бросила на менеджера взгляд, полный нежного удивления.

Вид двери не предвещал ничего хорошего. Ее, несомненно, не раз рубили топором. На месте звонка висели обрывки проводов. Проблема «глазка» была решена с ньютоновской гениальностью – «глазок» являл собой обыкновенную дырку, из которой сквозняком приносило тошнотворный запах вываренных костей, прокуренных стен, затхлой одежды, псины и нищеты. Лариса постучала. И еще раз. И еще два раза ногой.

– Иду-иду! – донесся изнутри довольно бодрый голос, потом довольно бодрые шаги.

Дверь распахнулась. Собственница бодрого голоса предстала во всей своей миссвселенской красе. Тридцати-пятидесятилетняя дама с элегантно взбитыми волосами, мытыми, должно быть, в третьем веке до нашей эры, с испытанным лицом и морщинистой шеей, с великолепным бланшем в полскулы, с жеванным окурком в углу рта. К тому же в ватнике и валенках (!). Лариса невольно отпрянула. Веселый блеск в глазах дамы и игривая улыбочка говорили о врожденной живости характера или что она уже успела принять на грудь. Или и первое и второе одновременно.

– Я вот по какому делу, – начала Лариса, неуверенно переступая порог. – У вас тут прописан Олег Афанасьевич Данилкин? Дом 316, квартира 68, комната 68а.

Веселая дама, кажется, была рада любому посетителю, так как проявляла признаки внимания и участия – заглядывала Ларисе в глаза, сосредоточенно шевелила губами, повторяя за ней слова.

– Моя комната, – мелко закивала она головой. И не без гордости кивнула на облезлую дверь с выцарапанной ножом или гвоздем цифрой. – Заходите.

– Вы купили ее недавно у Олега Данилкина? – с тоской спросила Лариса. И бесполезно было спрашивать – комната демонстрировала крайнюю степень обжитости. За недолгое время, что прошло после «продажи» Олегом жилья, так загадить территорию было невозможно.

– Я тут давно живу, – обиделась лохматая дама. – И Пуцик со мной. Пуцик-Пуцик-Пуцик, – зацокала она.

На зов из-под затрапезного топчана выползла крыса. Но не белая, пушистая с розовым хвостом, а настоящая, серовато-коричневая, толстая, отвратительная. Она уставилась на посетительницу внимательными глазками.

Лариса вскрикнула, дернулась, влетела плечом в косяк. Утлая полочка, приколоченная над косяком, с готовностью обрушилась, повиснув на одном шурупе. С нее слетела пара кастрюль, замызганный том «Капитала» (неужели читали?!), стопка желтых газет. Из рассыпавшихся газет веером прыснули блестящие тараканы. Лариса зажала рот рукой, чтобы не заорать от омерзения. На обитательницу люкс-апартаментов неприятность с полочкой не произвела никакого впечатления. Она только махнула рукой и хихикнула. А крыса с презрением посмотрела на тараканов, на гостью и не спеша исчезла под топчаном.

– Но я ведь видела паспорт! – с отчаянием сказала Лариса. – Его прописку! И он продал эту комнату.

– Бог с вами, душечка, – улыбнулась хозяйка Пуцика. – Я тут живу... Сколько же?... Лет десять? Да нет, все пятнадцать! В этой комнате.

- Ладно, до свидания, извините за беспокойство!
- Ничего, бывает, – великодушно простила Ларисе учиненный разгром дама.
- А почему вы в ватнике? И валенках? – все-таки спросила Лариса.
- Да не топят, е-мое, – с возмущением откликнулась женщина. – Совсем обнаглели. Куда Лужков смотрит? Середина декабря, и никто не чешется!
- Понятно, – кивнула Лариса. – В самом деле, безобразие.

Глава 5

Жизнь Лизы Виноградовой сияла красками. Не в том смысле, что ее дни и ночи были наполнены безумным каскадом приключений, поездками в Марокко или Австралию, знакомствами с голливудскими звездами и известными музыкантами.

Нет, ее жизнь была цветной буквально. В различные тона были окрашены голоса людей, звуки города, музыка. Мотор «тойоты» гудел сиреневым, мамин голос имел бархатистый оттенок абрикосового, лифт грохотал темно-коричневым, синица щебетала кукурузно-желтым. Летний дождь шелестел прозрачной бирюзой. Гром гремел малиновым. «Лакримоза» Моцарта представлялась фиолетово-синей, «Ямайская румба» Бенджамина – изумрудной, а «Минутный вальс» Шопена – аквамариновым...

Лизино появление в «Артиссимо», как всегда, было встречено радостными возгласами. За пару лет работы в дизайнерской фирме установились дружеские, почти семейные отношения. А Лиза была самой юной сотрудницей и – безусловно – самой талантливой. Ее здесь любили и ценили.

Сегодня в центре офиса (напоминающего голубую лагуну атолла – «Нет! нет! нет! – страстно вскричал директор Апогей Палыч. – Нам не нужен стандартный, безжизненный конторский интерьер, все эти унылые стеновые панели, коммерческий линолеум и подвесной потолок! Мы ведь творцы, гении, а не подмастерья из «Русского модерна»! Девочки, постарайтесь!» И девочки постарались. Даже перламутрово-голубые корпуса для мониторов делали на заказ, жалюзи-хамелеоны перфорировали вручную, а коллекцию стеклянных скульптур везли из Африки) на круглом вертящемся столе – словно из китайского ресторана – торжественно громоздился макет для банка «Антей».

Апогей Палыч застыл у макета в позе заинтересованного страуса, рядом изучала детали Лайма, тоже вытянув шею, как и директор.

– Уже принесли из мастерской! – обрадовалась Лиза и присоединилась к коллегам. – Прекрасно! Мне нравится! Чудесно! Только...

– А вам нравится? – произнесла Лайма, вопросительно поглядывая на Апогея.

– Грандиозно! – поддержал Лизу архитектор Родион (по прозвищу Аккордеон). Он всегда готов был поддерживать Лизу в любых ее заявлениях, рассуждениях и порывах. Еще более горячо он готов был поддерживать ее физически. – А красные креслица напоминают мне россыпь клубники на грядке. Съел бы их!

– Вот именно! – воскликнула Лиза. – Почему кресла красные?! Невероятно!

– Самодеятельность, – вздохнула Лайма. – Придется снова отправлять на доработку.

– А что? Яркое, – сказал Апогей Павлович. – Заметно.

– Для банковского холла чересчур. Мы ведь не бордель собираемся оформлять!

– Ну, возвращайте в мастерскую. Пусть переделывают.

Банк «Антей», отгрохав себе новое монументальное здание в центре города, объявил конкурс среди дизайнерских фирм и строительных компаний. В финал вышли «Артиссимо» и «Русский модерн» – давние конкуренты и антагонисты. Естественно, сотрудники «Артиссимо» мечтали о победе, так как крупный заказчик пообещал дизайнерам неслыханный гонорар плюс поездку всей командой в Италию за расходными материалами и на ежегодный Миланский мебельный салон. Все хотели в Италию, все грезили о баснословной премии...

– Лиза, пообедаем сегодня вместе, – тихо предложил Родион. – Пойдем в «Тайлер»?

– А? Что? – оторвалась Лиза от дисплея.

Кроме банка «Антей», ее мысли занимала еще одна заказчица – бизнес-леди Виолетта, и сейчас Лиза срочно на компьютере подбирала кафельную плитку для ванной комнаты. Пять предложенных вариантов не устроили клиентку – то ей было мрачно, то аляповато, то вычурно,

то помпезно, то чересчур скромно. Запасы виртуального кафеля стремительно истощались, и еще неизвестно, найдется ли в городских магазинах то, что понравится в конце концов капризной Виолетте. Неужели тоже придется заказывать в Италии?

– Пообедаем вместе? – повторил Родион.

– А, нет, – отмахнулась Лиза. – Сегодня я обедаю с мамой.

– Родик, отстань от ребенка, – встряла Лайма. – Видишь, человек занят. Посмотри-ка лучше сюда... У меня клиент бьется в судорогах, хочет, чтобы мы ему вот здесь стену проломили. Это реально?..

Родион с явным сожалением переключил внимание с задумчивой Лизы на лист ватмана, подсунутый Лаймой.

Лиза смотрела на экран, подперев подбородок кулаком. Она механически щелкала клавишами, меняя цвета на мониторе так и сяк. Где витали ее мысли? Похоже, очень далеко и от «Артиссимо», и от банка «Антей», и от Виолетты с ее кафелем, и от влюбленного Родиона.

Уволившись из органов два года назад, Валдаев и Здоровякин организовали фирму с красноречивым названием «Поможем!». Лицензированная смесь юридической службы с детективным агентством. Как бы в компенсацию за горечь расставания с любимой работой дела у новорожденной фирмочки сначала резко пошли в гору. Клиенты повалили с проблемами и пачками дензнаков. Используя связи, накопившиеся за годы службы, Валдаев и Здоровякин помогали несчастным в меру сил.

Друзья вдруг обнаружили, что перескочили на соседнюю ступеньку материального благополучия, и принялись радостно и возбужденно срывать сочные плоды финансового преуспевания. Парни обзавелись отличным офисом по улице Петrarки, 86, кучей сотовых телефонов и джипом. Валдаев, ездивший до этого на старой «девятке», полюбил «лендровер» горячей и страстной любовью юного Ромео.

Но внезапно у «Поможем!» началась черная полоса. Поток страждущих иссяк. Редкие нервные индивидуумы, добравшиеся до порога фирмы, или были (как оказывалось впоследствии) неплатежеспособны, или просили о форменных безумствах, браться за которые Валдаев и Здоровякин не стали бы из соображений нравственности.

Владелец ресторана «Герр Тайлер» относился к числу бывших клиентов «Поможем!». Вырвав у отцов-создателей фирмы услуги без предварительной оплаты, ресторатор воспользовался природной валдаевско-здоровякинской добротой. Его сын по недоразумению загремел на нары, и детективы, вникнув и осознав, что парень невиновен (а если и виновен, то не настолько, чтобы заслужить судимость, изнасилование в камере и туберкулез на зоне), не отказали папаше в помощи. В них заговорило обостренное чувство справедливости. Отзывчивые, они умели сопереживать.

Дите было спасено. Владелец «Тайлера» заявил, что оплатить услуги пока не в состоянии. И что само избавление невинного от незаслуженной кары является достаточным моральным вознаграждением. Но, правильно оценив напряженный взгляд Илюши Здоровякина и размеры его изящной ручки, нервно тарабанившей по столу, герр Тайлер взял слова обратно и поклялся, что, конечно, заплатит. Только позже. Это «позже» тянулось уже два месяца...

– ...Ну что? Как дела-то? – спросил Саша у владельца ресторана. Тот коброй шипел на юных официанток, недостаточно резво суетившихся вокруг почетного гостя.

Саша занял столик у окна. Сквозь идеально чистое стекло виднелся серебристый бок «лендровера». Валдаев решил совместить приятное, но не необходимое (обед) с необходимым, но неприятным (напоминанием ресторатору о крупном долге).

– Александр Владимирович, – зашептал на ухо герр Тайлер, – все в порядке. Буквально на днях. Клянусь. Собрал необходимую сумму. Не беспокойтесь. И главное, Илья Кузьмич пусть не нервничает.

– Да как же ему не нервничать? – возмутился Саша, провожая взглядом хорошенькую официантку в короткой клетчатой юбке и дурацком передничке. Девушка только что поставила перед ним сверкающие столовые приборы, корзинку с нарезанной пышной булкой и кунжутными рогаликами, налила в бокал ледяной минералки. – Вы понимаете, сколько мы вбухали собственных денег в вашего охламона?

– Я все уладил, все уладил, – суетливо зашептал герр Тайлер. – Средств не было... Так случается порой... Поймите. Теперь они есть. Буквально на днях. Вся сумма наличными... Из рук в руки... Я искренне вам благодарен.

– Ох, горе, – вздохнул Валдаев. – Пользуетесь нашей добротой.

– Пользуюсь, – покаянно вздохнул в ответ ресторатор. – Еще как пользуюсь. Вы порядочные люди, я вижу. Другие меня бы давно в землю... И плантацию гладиолусов сверху... Но вы... Исправлюсь, исправлюсь... Поверьте.

– Верю в последний раз, – предупредил Александр. – Кстати, вам котята не нужны? Парочку возьмете?

– Простите... – Герр Тайлер склонился в три погибели, к самому уху сыщика. – Не совсем понимаю... Это шифр? Условное обозначение? Парочка котят?

– Персидских. Ну, почти персидских. У меня кошка к черту рожать собралась.

– Как я за нее рад! Сердечно рад! – восторженно покачал головой герр Тайлер. – Поздравляю. Почти персидские – это как? Типа девяностодевятидолларовой купюры?

– Типа.

– Нет, Александр Владимирович, котята не нужны. У меня питбуль. Он ими питается.

– Жаль. И в этом вопросе вы меня разочаровали.

– Извините, ради бога! А денежки – буквально на днях... На днях.

– Ладно, живите пока.

– Спасибо! – горячо воскликнул ресторатор с намернувшимися на глаза слезами благодарности. С ним было ужасно трудно ругаться. – Позвольте-с я выберу для вас блюда. Я рекомендую... Попробуйте салатик «Мюнхенский», на горячее – буженинку по-тирольски под соусом «Гемюзе» с чесноком, оливками и корнишонами... Есть отличное бочковое пиво... И безусловно, все за счет заведения.

– Да бросьте! – презрительно махнул рукой Валдаев. – Не надо мне подачек. Я в состоянии оплатить счет.

Ребята попроще, понаглее давно бы завели привычку бесплатно завтракать, обедать и ужинать у недобросовестного должника, тем более что кухня «Тайлера» славилась на весь город. Устраивали бы здесь шумные вечеринки для друзей. Но Саша и Илья отличались более тонкой душевной организацией и сочли бы подобное поведение унижением своего достоинства.

А через секунду Александр забыл и про неверного трактирщика, и про долги. В ресторан вошла девушка... Вошла девушка... С первого взгляда Валдаев понял, что это его девушка. Экземпляр, предназначенный именно для него. Каким-то образом он всегда это чувствовал. Иногда, правда, ошибался.

Валдаев отвернулся к окну и растопыренной ладонью прикрыл профиль. Он только что отправил в рот гигантский кусок отбивной, давился ее горячим соком и несомненно походил на милого хомячка – с щеками больше головы. И Саша не хотел, чтобы взгляд девушки наткнулся на такое прелестное чавкающее создание. Поэтому Валдаев отвернулся к окну и увидел, что серебристый джип соседствует теперь с белой «тойотой». Надо сказать, они хорошо смотрелись вместе – он, крупный, энергичный, всегда готовый к бою, и она – изящная на его фоне и празднично-белая, как невеста.

– Один симпатичный молодой человек не сводит с тебя глаз, – заметила Алина Владимировна, улыбаясь.

– Почему у тебя все молодые люди симпатичные? – воинственно спросила Лиза. И слегка зарделась. Воинственность тона и легкое покраснение щек объяснялось тем, что данного «симпатичного молодого человека» Лиза заметила сразу же, едва появилась в ресторане. Сейчас она ощущала пристальную заинтересованность парня. И поэтому старалась выглядеть особенно привлекательной, орудуя приборами и уничтожая салат и десерт с непередаваемой английской элегантностью. «Симпатичный молодой человек» понравился Лизе с первого взгляда.

– Он и вправду хорош. Светловолос, глаза красивые. Фактурный мальчик, Лиза. И как молод!

– Не так уж и молод, тридцать-то наверняка есть. Ну, двадцать шесть.

– Я и говорю: как молод!

Между возрастом Лизы и мамы зияла пропасть в двадцать два года. Так что блондин с красивыми глазами для Алины Владимировны был бессовестно юн.

– Ах, Лиза, – изменила тон Алина Владимировна, – ты опять куришь? – Женщина раздраженно вертела в руках тонкую зажигалку.

– Ну, мама! – всплеснула руками Лиза. – Ты же знаешь, я не курю. Это так – для эффекта, для антуража!

– Втянешься, глупая. Для эффекта! Ты и так вполне эффектна. Неужели ты не нравишься себе такой, какая есть?

– Ты прекрасно знаешь, откуда мои комплексы, мама. Трудно поверить, что пользуешься успехом, если в трехлетнем возрасте тебя бросил самый главный мужчина в жизни.

– О боже! – взмолилась Алина Владимировна. – Завела старую песню. Прошу тебя, не начинай!

– Нет, начну, – въедливо продолжила Лиза. – Даже если на меня обратит внимание мужчина, сочетающий в себе импозантность Пирса Броснана, надежность Брюса Уиллиса и ироничность Михаила Леонтьева, то я все равно не поверю, что в меня кто-то влюбился. Ведь я оказалась не нужна собственному отцу!

– И хватит убиваться, – улыбнулась Алина Владимировна. – Как ты сказала – элегантность Пирса Броснана и надежность Брюса Уиллиса? У-хм-м. Недурно. Я бы не пропустила!

– У меня на всю жизнь в душе клеймо ненужности! – патетично заметила Лиза, ловко отправляя в рот кусок трюфельного пирожного.

– Не обманывай, Елизавета! Ты в полном восторге от собственной персоны, я знаю. Клеймо ненужности! Ври кому-нибудь другому. Ты считаешь себя совершенством, и не без оснований. Ты прелесть, ты ангел!

– Спасибо. Конечно. Да, я ангел. Но все равно... Вы могли бы с отцом что-то придумать. Чтобы не травмировать меня.

– Двадцать лет прошло, а ты меня все пилишь. Я ни в чем не виновата. Это неприятная тема, Лиза, давай оставим ее. Не будем обсуждать.

– Извини. Прости. Заиклилась. Больше не буду.

Тема нравственных страданий малютки, брошенной отцом, возникала всякий раз, стоило Алине Владимировне сделать Лизе какое-то замечание. Напомнить мамуле о несчастной доле пятидесятипроцентной сиротки, вызвать у нее угрызения совести (не сумела удержать мужа, отдала другой женщине!) являлось для Лизы способом психологической защиты.

– Конечно-конечно, хватит уже об этом думать, – сдала позиции Елизавета, увидев, что мама немного погрустнела, сникла и потухла, насколько это возможно при ее цветущем виде, сверкающей губной помаде и ярко-изумрудном летнем костюме от Труссарди. – Я уже выросла, и мне никто, кроме тебя, не нужен. А я порчу тебе нервы. Я исправлюсь, честно! Я борюсь со своими недостатками.

– Тебе не с чем бороться, – сказала Алина Владимировна. – У тебя нет недостатков. Самокопание – вредная привычка. От нее глаза тускнеют, румянец исчезает. Дай мне одну сигарету.

– Нет, мама! – закричала Лиза. – Хочешь, чтобы я бросила... А сама стреляешь у меня!

– У тебя приятные сигареты. И дорогие. Транжирка. Транжиришь деньги и здоровье.

Соблазн был велик – после чашки кофе выкурить одну из перламутровых Лизиных сигарет. Алина Владимировна не устояла. А Лиза сказала себе «нет!». Надо остановиться, пока не поздно. Вдруг симпатичный блондин, настойчивыми взглядами просверливший в ее плече, щеке, груди несколько глубоких дыр, не выносит девиц с сигаретой? Вдруг он решит, что Лиза – заядлая курильщица и табачный запах из ее рта так же неистребим, как международный терроризм? О нет, от нее пахнет очень и очень приятно. Тонкими духами от Кашарель или Пако Рабанн, иногда – Армани. Короче, Лиза сказала себе твердое «нет!» и направилась к бильярдному столу. Она поступила мудро, так как пытливогоглазый юноша сразу же поднялся со стула и поплелся следом.

– Профи? – застенчиво улыбнулся он, окружая бильярдистку знаками услужливого внимания: протянул кий, сложил шары.

– Да нет же! – почему-то рассмеялась Лиза. – Так, размяться.

Она держала в руках кий и смотрела на Валдаева снизу вверх.

– А вы?

– Я вообще до недавних пор был убежден, что все это – орудия убийства, – признался Александр. Он взял другой кий и, скорчив страшную, кровожадную физиономию, проткнул им воображаемого противника, как шпагой. – Но ошибался.

С этими словами, бросив на девушку быстрый веселый взгляд, Саша разбил треугольник. Шары сначала стремительно, а затем все более и более неторопливо покатались по зеленому сукну. Они стукались, издавая костяной звук, Александр прицеливался, склоняясь над столом, и каждое падение в лузу сопровождалось восхищенным и удивленным возгласом Елизаветы.

Лиза подняла на Валдаева сияющие, восторженные глаза.

– О-о-о! – выдохнула она. – Гениально!

– Ерунда! – гордо и небрежно заявил Александр. Он посмотрел на парочку шаров, застывших у борта. – Есть резерв для совершенствования.

Даже если б его сейчас пытали, он не признался бы, что следил за движением бильярдных шаров с замиранием сердца, боясь неудачи. Так хотелось выпендриться перед очаровательной малышкой.

– Александр.

– Елизавета.

Лизина рука утонула в ладони Валдаева. Ладонь была большой, крепкой и горячей. Лиза не пыталась прервать рукопожатие. Они смотрели в глаза друг другу. Саша немного помедлил, потом склонил тренированный стан и лихо, по-гусарски приложился к нежной лапке девушки.

– Ой, – смутилась Лиза. – Мне еще никто никогда не целовал руку.

Она поднесла к глазам кисть правой руки. Ей показалось, что поцелуй Саши еще остался на ней, и греет, и сияет сапфирным огнем.

– Никогда? – не поверил Валдаев. – А вот так?

Нескромный юноша вновь завладел рукой барышни и, перевернув ладонь, поцеловал в запястье. И рядом пару раз.

Теперь Лиза резко выдернула руку. Она покраснела, залилась румянцем, опустила глаза.

Валдаев тоже вроде бы смутился. Он смотрел на гладкие щечки, блестящие волосы, сияющие глаза... На вид Елизавете было около семнадцати, но компетентный внутренний голос подсказывал Валдаеву, что девушка старше. Да ему и не хотелось, чтобы она оказалась неопытной крошкой. Учítывая, что он сам как-то незаметно и незапланированно достиг почтенного

возраста, связь с невинным, несовершеннолетним созданием отдавала бы педофилией. Хотя, конечно, случается, и восьмиклассницы удивляют безграничной раскрепощенностью. Но Лиза явно не относилась к подобному сорту девиц. От нее веяло свежестью утреннего моря.

– Лиза, ты идешь? Я взяла твою сумку, – окликнула дочь Алина Владимировна. Она приблизилась к очарованной парочке, окинула мужчину цепким взглядом опытного оценщика (мать незамужней половозрелой дочурки!), насмешливо улыбнулась.

Сыщик открыл было рот, чтобы завязать знакомство и с мамашей и выразить ей (проходимец!) восхищение ее внешностью – «Вы, наверное, сестренка Елизаветы?» – но Лиза быстро схватила Валдаева за локоть, сжала в прощальном жесте, бросила улыбку, метнувшись к Саше маленькой ласточкой, и стремительно кинулась к выходу.

Сыщик так и остался стоять с открытым ртом. Ни адреса, ни телефона, елки-палки, что за дела?! Для него, бывшего опера, безусловно, не проблема выяснить и фамилию, и адрес, и телефон... И номера белой «тойоты» он предусмотрительно запомнил, пока пялился в окно, прожевывая мясо... Но ведь гораздо приятнее было бы получить телефончик из рук самого объекта, с горячими просьбами звонить как можно чаще и в любое время суток!

Саша разочарованно вздохнул, потерянно посмотрел на двери ресторана, только что закрывшиеся за дамами. Официантка в клетчатой юбочке, а если точнее – ее ноги в прозрачных колготках (15 ден – определил на глаз опытный криминалист Валдаев) – вернули донжуана к действительности. Саша пристроился в арьергарде, чувствуя, что уверенность и жизнерадостность возвращаются к нему в такт с цоканьем каблуков юной официантки.

– Пожалуй, я выпью пива, – сказал он девушке. – Какое у вас тут?

Глава 6

В одном из московских отделений милиции разворачивалась стандартная сцена. Посетительница исходила тихими стонами и водопадами слез. Стены кабинета слышали много скорбных историй, и горестный рассказ Ларисы Бояриновой был отнюдь не самым страшным. Но для несчастной переводчицы ее горе в данный момент остановило движение земного шара. И солнце тоже больше не светило.

Лейтенант напротив Ларисы Бояриновой сидел обхватив голову руками. На лбу у него было написано... Там уместилось три страницы возмущенного текста следующего содержания (тезисы): как можно быть такой доверчивой душой? И почему вас так много? И почему вы все живете на территории нашего отделения?..

– Еще воды, пожалуйста, – просипела Лариса.

Милиционер с неохотой налил четвертый стакан. Ему казалось, что женщина тут же перерабатывает полученную жидкость в слезы.

– Вы паспорт-то его видели? – участливо спросил лейтенант.

– Конечно видела! Он сам мне показал. Вот, смотрите! – Лариса протянула бумажку с координатами автослесаря Олега Данилкина. – Показал, чтобы я убедилась, что он не был женат и не имеет детей.

Лейтенант забрал у Ларисы бумажку и в обмен плюхнул на стол перед ней толстую папку.

– Что это? – подняла на парня красные кроличьи глаза несчастная переводчица.

– Вот, поройтесь. Фотографии посмотрите. Вдруг найдете вашего красавчика. А я скоро вернусь.

Лариса издала заключительный полустон-полушмыг, утерла глаза платочком и не без интереса открыла папку. Весь природный физиогномический материал был собран здесь в образах мошенников, вымогателей, брачных аферистов. Бедняжка погрузилась в изучение фотографий.

Молодой лейтенант вернулся минут через пятнадцать. Лариса рванулась к нему, в ее глазах горела надежда, словно парень, как заправский ковбой, тащил за собой на аркане Олега Данилкина. Но нет, тот вернулся один.

– Нашли кого-нибудь? – спросил милиционер.

– Нет, – с тоской безысходности вздохнула Лариса.

– А я вас обрадую. Олег Афанасьевич Данилкин и впрямь существовал. И даже проживал по указанному адресу. Только он умер в 1985 году в возрасте 78 лет...

– Ну что, окопались, дендриты? Изменники, предатели!

С подобными удалыми возгласами в офис «Поможем!» ввалился Зуфар Алимович Алимов. Черные с проседью усы топорщились, как всегда, воинственно, серо-зеленые глаза сияли свирепой нежностью. В отличие от экс-капитанов у него прибавилось звезд на погонах – дослужился до подполковника.

– Зуфаралимыч! – радостно подскочили детективы и ринулись душить бывшего командира.

– Потихе, потихе, пацаны! – отбивался подполковник. – Набросились, как сперматозоиды на яйцеклетку! Я вот, значит, мимо проезжал. Дай, думаю, зайду, загляну. Разведаю обстановку. Узнаю, чем дышат сбежавшие кадры. У-у-у, шалопаи! Ну что? Дела-то идут? Доллары на счет капают? Все деньги заработали?

– Да так себе... – вздохнули в унисон Саша и Илья. – Затишье. Клиент иссяк.

– Шикарный джип под окном стоит, смотрю.

– Да вот только на джип и заработали. Офис купили, ремонт сделали.

– Я за всю жизнь еле-еле на подержанный «ниссан» заработал.
– Взятки надо брать, Зуфар Алимович!
– Цыц, бандиты! А вернуться-то не хотите, а? Кем вы были? Орлы, гордость отчизны, смелые и отважные ребята из правоохранительных органов...
– Бесплатное приложение к «Макарову», – напомнил Валдаев.
– А сейчас? Мелкотравчатая шушера, простите меня, ластоногие. Таких фирм, как у вас, – миллион в городе. Возвращайтесь, парни. Я набрал, конечно, юнцов. Но вас, честно, не хватает.

Валдаев и Здоровякин устроились поудобнее в креслах, собираясь всплакнуть.

– И нам вас не хватает, Зуфаралимыч, – дрожащими голосами признались они. – Никто на нас не рычит, по коврику не раскатывает, красой земноводных и гордостью свинофермы не называет. Тоска!

– В общем, жду. Ваши места забронированы.

Подполковник почти совсем ушел, но вернулся.

– Да, Илья, а ты квартиру себе купил не по улице Первомайской, дом 17?

– Точно. А что? – удивился Здоровякин.

– Вот. То-то, я думаю, адрес мне знаком. Крутой домишко. Нафарширован бизнесменами, как пирожок капустой.

– Дом Мария выбирала. Ей понравился нестандартный проект.

– И не только ей он понравился. Мы вчера из одного подъезда полкило тротила вынесли.

Не в курсе?

– Да, Маша говорила, суэта какая-то была, ОМОН приезжал.

– Кому-то сильно жилец со второго этажа не угодил, некий Лабругин.

– Он с нами через стенку, – объяснил Здоровякин. – Мы тоже на втором, только в соседнем подъезде.

– Я вас искренне поздравляю. Отличное соседство. Этот Лабругин – собственник компании «Сигма». Я не знаю, чем он конкретно занимается, однако взорвать его хотели уже в третий раз. Два раза взрывчатку подкладывали в автомобиль.

– И все никак?

– Пока держится, стервец. Счастливчик. Как у тебя, Илюша, семейная жизнь? Нормализовалась?

– Все отлично, – наврал Здоровякин.

– Молодец. Ну, прощайте, хлебоборобы.

Едва за начальником отдела закрылась дверь, Илья метнулся к шкафу, где среди разнообразной юридической литературы виднелся толковый словарь.

– Саня, я не понял слово «дендрит», – сказал он.

– Отлично! – восхитился Валдаев. – Прогрессируешь. Раньше ты не понимал и половины того, о чем толкует Алимыч. И зачем тебе словарь? Спросил бы у меня. Я знаю, что такое дендрит.

– Постой, не говори! Так я лучше запомню. Если сам прочту. Вот. «Дендрит – отросток нейрона, воспринимающий сигнал от другого нейрона, рецепторных клеток или от внешних раздражителей».

– Запомнил? – издевательски осведомился Валдаев.

– Лицо попроще сделай.

– Оно у меня от рождения такое. Умное.

– Да уж конечно. А разве я похож на отросток нейрона? При чем здесь мы?

– Элементарно!

– Не понимаю.

– Алимич хотел сказать... Здесь центральная мысль – «способный воспринимать сигналы». Зуфар хотел сказать, что мы с тобой восприимчивые, утонченные, чуткие мальчуганы.

– Ага, – усмехнулся Илья. – Именно это он и пытался нам втолковать.

– Кстати, был сегодня в ресторане. Наш общий друг Хрен Тайлер вновь клянется здоровьем своей коленной чашечки, что буквально на днях вернет долг.

– Давай я избавлю его от обеих коленных чашечек, а заодно и локтевых суставов, – предложил Илья. – Достал он уже.

– Не забывай, что ты дендрит. Пытайся соответствовать. Но послушай, я не о том... В ресторане я познакомился с очаровательным созданием.

– И ты меня тоже достал, – недовольно вздохнул Здоровякин.

– Тебя нервирует моя сексуальная неутомимость?

– Ты однообразен.

Но Валдаев не обращал внимания на ремарки Ильи. Его глаза затуманились, он перелетел в зал ресторана «Герр Тайлер» и уже держал за маленькую руку прелестное существо.

– Нет, ты послушай. Я тебе ее опишу. Глаза. Золотисто-голубые.

– Как это?

– Голубые, но в центре у зрачка – золотистые. Дундук! Ничего не понимаешь!

– Куда нам, крестьянам. У нас глаза попроще. Не такие вычурные.

– Безупречный овал лица, словно нераскрывшийся бутон лилии. Гладкие, довольно упитанные щеки. Будто отсвет алой зари – легкая розовая тень на скулах.

– Это косметика. «MaxFactor» какой-нибудь. У Машки тоже есть.

– Заткнись. Волосы длинные, блестящие, прямые. Водопад, заканчивающийся в районе лопаток.

– Если в районе лопаток – это не водопад.

– А что?

– Жалкие остатки после химиотерапии. Водопад – это когда до попы.

– Урод! Кстати, о попе... – Тут Валдаев душераздирающе вздохнул и мечтательно закатил глаза. – На моей красавице были такие брючки... Ты знаешь, девочки сейчас носят. Они как резиновая перчатка.

– Знаю, – кивнул Здоровякин. – Видел. Машкина подруга к нам как-то заходила в таких. Да, это дело.

– А главное – здесь... – Валдаев растопырил пальцы и приставил ладони к груди, так, словно у него грозил вывалиться кусок грудной клетки, и он охранял целостность организма. – Такие кругленькие, крепкие и без лифчика.

– Маньяк, – с явным отвращением хмыкнул Илья.

– Наверное, я женюсь, – подвел итоговую черту Валдаев.

– Да неужели?! На этот раз точно?

– Но ведь пора. Экземплярчик замечателен. О... Да...

Раньше мысли о женитьбе сопровождались у Валдаева спазмами желудка и легкой испариной – он страшно боялся потерять свободу. Теперь подпирал возраст, и Сашу не радовала перспектива обогатиться ярлыком «закоренелый бобыль».

– Ее зовут Лиза, – доверительно сообщил он другу.

– Какое оригинальное имя! – язвительно заметил Здоровякин. – Я знаю по крайней мере четырех Лиз.

– Ну и флаг тебе в руки. Моя Елизавета – единственная.

– А лет-то ей сколько?

– В районе двадцати.

– Ты совсем спятил! – воскликнул Илья. – Что ты задумал, старый развратник! На что позарился? На ребенка несмышленного! Да тебе нужна приличная, благообразная старушенция

лет двадцати восьми – тридцати, и будете с ней шамкать челюстями перед телевизором, обсуждая «Поле чудес».

Валдаев попытался убить друга дыроколом, но неудачно. Илья конечно же был крупнее и тяжелее, он быстро скрутил Лизино покло́нника в маковый рогалик.

– Отпусти, демон! – прохрипел скрученный Валдаев. – Старушечья! Да как ты смеешь! Непробиваемый, толстокожий мамонт! Я мужчина в самом расцвете лет. Я полон жизненной силы, как свежий побег бамбука! Я... я... А откуда у тебя целых четыре знакомых Лизы? Врешь!

– Ну, не четыре. Преувеличил. Одна. У Маши есть подруга Лиза.

– А... Понятно. Сейчас попытаюсь установить личность моей лапочки по номерам машины. – Валдаев комфортно развалился с телефоном на диване, положив ноги на придвинутое кресло.

– Ах, неужели девушка не снабдила тебя достаточной информацией? Домашний адрес, список родственников, обожаемый киноактер, любимый тренажерный зал, график месячных?

Валдаев задумчиво посмотрел на Илью.

– Не надо о киноактерах. И ты не заметил, друг, что в последнее время твое отношение ко мне стало излишне критичным? Я тебе разонравился? Ты меня больше не любишь?

– Наверное, мое отношение в целом к жизни стало более критичным. И безрадостным, – тоскливо признался Здоровякин.

– Ладно хныкать, забудка. Я же тебе обещал: все у вас с Машей наладится. Поверь.

И Валдаев стал названивать друзьям в ГИБДД, чтобы выяснить координаты Елизаветы.

Вот так, мило резвясь, тратили рабочее время мальчуганы-дендриты из фирмы «Поможем!». Удивительно, что они заработали только на утлый «лендровер». Учитывая напряженность их деятельности, они давно могли иметь целый парк дорогих автомобилей.

Глава 7

Просыпаясь иногда в шесть утра, чтобы успеть на семичасовую встречу с каким-нибудь занятым клиентом, Лиза наполнялась гордостью. Она гордилась тем, что сама зарабатывает себе на жизнь.

Правда, однокомнатную квартиру ей купила мама, и «тойоту» за три с половиной тысячи долларов ей тоже купила мама, и за обеды в ресторанах обычно всегда платила мама, и заграничные путевки покупала мама, и французские духи – тоже мама, и набивала шкаф платьями опять же Алина Владимировна – ценимый начальством и высокооплачиваемый менеджер валютного отдела банка. Но зато Лиза совершенно самостоятельно приобретала губную помаду «Кристиан Диор», видеокассеты, колготки и йогурт на ужин. «Это пока, – успокаивала себя Лиза. – Я обзаведусь солидной клиентурой и открою собственную дизайнерскую фирму. И буду зарабатывать больше мамы».

И сегодня ей снова пришлось встать рано, потому что энергичная дама Виолетта Крикунова вновь назначила встречу в спортивном клубе, где она бодро разминалась перед долгим трудовым днем.

Сорокадвухлетняя предпринимательница Виолетта Крикунова была личностью, достойной изумления. Она владела пятью фирмами, имела три квартиры, содержала мужа, взрослого сына и двух молодых любовников. Третий любовник, постарше, тоже имел место быть, но его не надо было содержать. Вполне кредитоспособный, он сам дарил Виолетте бриллианты и топазы.

И она везде успевала! Сейчас она мчалась по беговой дорожке, словно молодая брыкливая кобылица, буйно размахивая коленками и раздувая ноздри. Тренажер мигал красным, призывая сбавить темп и вернуться в необходимый диапазон сокращений сердечной мышцы, но как же! Если Виолетта бежала, то она летела по всей опоре. Лиза смотрела, как пропитывается потом ее серая футболка, и думала, что после такой разминочки проще лечь и тихо умереть. И больше не мучиться. Но Виолетта, безусловно, так не думала.

Оставив беговую дорожку, мадам орангутангом повисла на перекладине, растягивая позвоночник.

– Лиза, ну что ты стоишь столбом? Я же тебе сказала – возьми с собой костюм! Почему ты не взяла? Сейчас бы повисели вместе, побегали, попрыгали.

– Спасибо. Я уже сделала зарядку, – торопливо отказалась Лиза. – Пока вы висите, посмотрите образцы светильников на кухню...

Виолетта Марковна не первый раз обращалась в «Артиссимо». Упав в два часа ночи (для нее это был еще вечер) на роскошный диван в одной из своих лачужек, Виолетта задумчиво смотрела на какую-нибудь гравюру, шкаф, стол, бра и говорила себе: «Так не годится. Застой. Пора менять интерьер». И начиналось светопреставление. Бригада безумных строителей крушила в санузле мрамор по двести долларов за метр, рвала в клочья шелковое покрытие стен, вгрызалась в натуральный, рассчитанный на десятилетия службы, паркет.

Лиза не понимала, как так можно. Зачем? Какой смысл? В настоящее время она заканчивала работы в квартире, которую всего пару лет назад оформляла для Виолетты Лаймы Лиутас. Лайма постаралась – апартаменты ослепляли. Интерьер квартиры, отданной на растерзание строителям-вивисекторам, был знаком Лизе до мелочей: она видела эскизы Лаймы и знала, сколько труда вложено в пышную отделку.

Но Виолетта жаждала нового, ее энергия была ключом, и все вокруг нее должно было фонтанировать, искриться, пульсировать, постоянно меняться. Ненасытность Виолетты подпитывалась ее огромными возможностями. Ей просто некуда было девать деньги.

«Что поделаешь, девочки, – успокаивал несчастную Лайму владелец «Артиссимо» Апогей Павлович. – Воля клиента – закон». Лиза представляла: а вдруг через год капризной Виолетте вновь захочется новизны, и тогда уже Лизино творение, квартира, оформленная по ее дизайн-проекту, пойдет под снос. У нее заранее сжималось сердце от обиды. Но сама работа доставляла бездну удовольствия. Виолетта была щедра, не прижимиста и восприимчива к свежим идеям: она охотно финансировала все творческие эскапады Елизаветы.

– А что с кафелем в ванной? – вспомнила Виолетта, уже оседлавшая велосипед.

– Я сделала шесть эскизов.

Лиза достала из портфеля красочные листы – распечатки многоцветного принтера. В старые времена ей пришлось бы попотеть с красками и рейсфедером. Теперь компьютер брал на себя 95 процентов технической работы. Нужно было лишь вырабатывать идеи.

– Мне нравится это, – ткнула пальцем Виолетта.

– Точно?

– Точно.

– Нет, вы уверены?

– Елизавета! Ты ведь знаешь: если я говорю «да» – значит, «да». Если я говорю «нет» – это значит «нет».

– Отлично! – обрадовалась Лиза и быстро убрала одобренный эскиз ванной комнаты. Наконец-то с этим было покончено.

– А ты сегодня в прелестном настроении, Лиза. Я заметила. Ты сияешь.

– Да!

– Похоже, ты влюбилась.

– О нет! Что вы! – покраснела Лиза.

– Влюбилась! Лиза! Мне сорок два, и я кое-что понимаю в жизни. У тебя сверкают глаза. И ты в тумане, как ежик. Принесла мне каталог светильников от фирмы «Каприччио». А я ведь тебе говорила, что я у них ржавого гвоздя не возьму, не то что торшер за восемьсот баксов!

Лиза стала такого же цвета, как свежая кругленькая свеколка, приготовленная к отправке в борщ.

– Извините, – пролепетала она. – Я перепутала каталоги. Я прекрасно помню, что директор «Каприччио» чем-то вам насолил три года назад.

– И снова ошибка, Лиза! Не он мне насолил, а я ему. И довольно крупно. И поэтому не желаю иметь с ним никакого дела. Во-первых, не люблю лохов, во-вторых, зачем мне угрызения совести. Нет, признайся, ты влюбилась?

– Это невозможно, – отрицательно покачала головой Лиза. – Я видела его всего раз.

– Вполне достаточно, чтобы потерять голову и подсунуть мне не тот каталог.

– Простите...

«Но я ведь не влюбилась, – размышляла Лиза, мчась на белой «тойоте» по улицам, уже наполненным автомобилями в преддверии утреннего часа пик. – Невозможно так быстро влюбиться. Я просто обратила на него внимание. Он остался в моей памяти. И мне приятно о нем думать. Он яркий, лимонно-желтый...» Справа посигналили. Лиза скосила глаза в сторону, увидела знакомого и помахала ему рукой. Что подумал бы Валдаев, узнав, что его называли лимонно-желтым? Разве я канарейка, закричал бы он гневно. Да, наверное, именно так он и закричал бы. Но это было только начало цветовой идентификации, начатой Лизой. Она прислушивалась к своим ощущениям. «От него веяло теплом, – думала Лиза, – как от пейзажа Гейнсборо, кирпично-красного, огненно-оранжевого, песочного. Но красный – не только тепло. Это напряжение, тревога. Нет, рядом с ним мне не было тревожно. Мне было хорошо. И голос у него теплый – солнечный, пшеничный. Но когда он улыбался – промелькнуло что-то изумрудное. Как же так? Оранжевое и изумрудное? Несовместимо! Говорит ли это о противоречивости, парадоксальности его натуры? Да, возможно. Но в принципе откуда мне знать? Я ничего

не знаю, только чувствую. Что он хороший. Славный. Хотел сделать маме комплимент. Что бы он ей сказал? О, он нашел бы слова. Думаю, язык у него подвешен. И все остальное в нем тоже очень гармонично. Какие красивые руки, мышцы... Мне нравится. И он полная противоположность мне – большой, сильный... Да, так и должно быть. А губы. У него чрезвычайно соблазнительные губы...»

Влюбиться? Для двадцатитрехлетней девушки это не проблема.

Весть о сокрушительном Ларисином Ватерлоо проникла в московское представительство «Де Грос». Ей сочувствовали, но с легким оттенком удивленной снисходительности: «Чем же ты думала, дорогуша!» Поль Деманже побил все рекорды сострадательности – он принес в клюве успокоительное для подопечной. На столе перед изможденной Ларисой появился крошечный пакетик с чем-то белым.

– От сердца оторвал, – признался Поль. – Вернее, от носа. Нет сил смотреть на тебя, Lariss.

Поль беспардонно взобрался на стол перед сотрудницей, придавив задом документы. Любимые очки с лиловыми линзами, поднятые наверх, топорщили короткие темные волосы.

– Давай, пробуй. Поможет.

– Ни за что! – рявкнула переводчица. – Мне только твоей гадости не хватало для комплекта! Для полного, стопроцентного счастья. Я не хочу стать наркоманкой!

Поль захохотал.

– С этого ты наркоманкой не станешь. Разве я наркоман?

Лариса пригляделась к шефу.

– Ну... Начинаящий.

– Oui. Угу. И в этом разряде я последние восемь лет. Хотел помочь, mais...

– Убери.

– Non? O'key! – Деманже спрятал пакетик в карман кожаного пиджака. – Так, этого ты не хочешь. Что ж, давай переспим...

Жизнелюбивый француз справедливо считал секс отличным средством для поднятия духа. Из четырех типов мужчин – оправданно уверенных в собственных силах, неоправданно уверенных, оправданно неуверенных (импотенты) и неоправданно неуверенных – Поль принадлежал к типу А. Он умел доставить женщине удовольствие и прекрасно об этом знал. И теперь, искренний и самоотверженный, предлагал себя Ларисе в качестве эффективного антидепрессанта. Но переводчица в ответ замотала головой и промычала нечто экспрессивно-невыразительное.

– Не хочешь? – изумился Поль. – Тогда... Тогда у меня еще идея! У нас болтаются деньги на счете – остатки. Давай я пристрою тебя в платную клинику. По... По... – босс задумался, вспоминая русское выражение, – по благу! Есть знакомства.

– В какую? – ужаснулась Лариса. – В психиатрическую?

– Ага. Ну, почти. Для нервных *madames*... Для нервных жен бизнесменов. Где-то в Подмосковье. А что? Тебе ведь негде жить. Ты куда съехала со своей *la chambre*?

– К подруге.

– Ну вот. Временно разгрузишь подругу. Ты наверняка у нее уже все промочила. Слезами. Давай. Оплатим тебе пару неделек. Поправишь здоровье. Поговоришь с психологом.

– С психологом? – заторможенно повторила переводчица.

– Ага.

– Но я должна что-то делать! Искать! Что-то предпринимать! Какие-то шаги!

– Как ты себе это представляешь? – пожал плечами Поль.

– В милиции сделали фоторобот. – Лариса протянула боссу черно-белый компьютерный рисунок.

– О, – удивился Поль, – симпатичный паренек. Понимаю тебя, Lariss. Но все же – давай в клинику. Отдохнешь месячишко. Тебе надо подлечить нервы.

– Нет! Я буду его искать! Я должна, должна что-то делать!

Поль скорчил рожу.

– Ты уже все для себя сделала. Вручила очаровательному мерзавцу денежки в праздничной упаковке. О! Нет, нет, не надо! Прости! Я не хотел...

Целых десять минут сотрудники «Де Грос» наблюдали трогательную картину: Лариса Бояринова горько рыдала в объятиях Поля Деманже, уткнувшись мокрым носом в грудь начальника. Босс нежно гладил переводчицу по мягкой спине и сопровождал поглаживания задушевыми успокоительными потоками французской речи.

Глава 8

Разница в возрасте и профессиональная конкуренция не мешали дизайнерам «Артиссимо» Лизе и Лайме поддерживать нежные девичьи отношения. Просто удивительно, насколько бывают милы друг с другом две девушки (традиционной ориентации).

Хотя... Конечно, Лиза была моложе и, по всеобщему признанию, талантливее. Это, естественно, отражалось на испытываемых Лаймой чувствах – она слегка завидовала. Или даже не слегка. Любая неточность подруги, или конфликт с обрабатываемым заказчиком, или даже сломанный Лизой ноготь – все отзывалось в Лайме сладким эхом. Часто она пристально рассматривала Лизу, когда та сидела перед компьютером или корпела над листом ватмана, словно пытаясь понять: что же в ней особенного? Иногда замечания Лаймы сочлились приторным ядом. Нет, она была достаточно умна и маскировала проблески зависти тоном легкого покровительства. Ей оставалось успокаивать себя мыслью, что в свои тридцать она гораздо интереснее и эффективнее простушки Елизаветы. Непонятно, почему все так и липнут к этой девчонке?

Лиза была искреннее. Если бы в ее сердце закралась зависть, она тут же заклеила бы себя позором. Поэтому она была открыта, естественна и полна восхищения Лаймиными дизайнерскими удачами, когда те – изредка – случались с доброй подругой.

– Что Виолетта? Люует? – между прочим осведомилась Лайма. Она живо тарабанила по клавиатуре, работая с напряженным усердием, хорошо различимым со стороны (на случай появления начальства).

И Лиза тоже пялилась в монитор, однако откровенно бездельничала. Она гоняла по экрану маленьких человечков – зеленых и таких же безумно трудолюбивых, как Лайма. Сейчас человечки строили мост, но у них не хватало стройматериалов, и они горохом сыпались в реку. Лизе приходилось в десятый раз начинать уровень. Она немного сердилась и нервничала. Ей было стыдно тратить время на игры. Но заниматься работой не хотелось – мысли бродили далеко, преимущественно в районе ресторана «Герр Тайлер». Где произошла судьбоносная встреча с обаятельным бильярдистом.

Лиза вновь и вновь прокручивала в голове сцену знакомства. Убегая из ресторана, она почему-то не сомневалась, что они вскоре встретятся вновь – что-то проскользнуло между ними теплое, значительное, необычное. Искра, всплеск чувства. И Лиза ждала, что Александр вот-вот появится на горизонте и начнет планомерно ее завоевывать. С небрежностью дамы, уверенной в собственной неотразимости, она оставила потенциальному воздыхателю заботы по выяснению личности и номера телефона. Их город не принадлежал к числу миллионников, в нем трудно было затеряться. Достаточно было спросить у «тайлеровского» официанта, не знает ли, откуда эта ослепительно красивая девушка, не постоянная ли она клиентка. Тот сразу ответил бы – из конторы напротив. Из «Артиссимо». Но прошло уже более двадцати семи часов, а бильярдист пока так и не объявился...

– Виолетта? Мы с ней почти закончили. Осталась мелочь, нюансы, – откликнулась Лиза на вопрос Лаймы.

– Нюансы и делают стиль, – наставительно молвила старшая подруга.

– Ты права, – с готовностью согласилась Лиза. – Но, как бы там ни было, наше с Виолеттой сотрудничество близится к завершению.

Лайма саркастически усмехнулась. Ей было обидно, что, повторно обратившись в «Артиссимо», предпринимательница не захотела вновь воспользоваться услугами Лаймы. Словно ее не удовлетворил их прошлый творческий союз. Виолетта просто пренебрегла ею!

– Надеюсь, в последний момент твоей сюзеренше не попадется в руки журнал с интерьером в стиле барокко. И она не обнаружит, что соседка изумительно обставила спальню в стиле хай-тек. Иначе...

– Вновь придется все ломать, – кивнула Лиза. – Ну и ладно. За три месяца общения с мадам я смирилась с мыслью, что на километр в радиусе от Виолетты – поле кровавой битвы. Место сражения федеральных сил и чеченских боевиков. Знаешь, я прочитала в журнале, что по Фрейдю в основе всего – агрессия и сексуальное влечение...

– В каком? Ты что, читаешь «Вопросы психологии»?

– Нет, нет, все гораздо проще. Читала то ли в «Мари Клэр», то ли в «Домашнем очаге». Там он цитировался. Фрейд.

– Ах, ну ясно! – расслабилась Лайма. – Конечно, где ж ему еще цитироваться! – Она почти запаниковала, что Лиза интересуется серьезной литературой. По мнению Лаймы, развитие Лизино интеллекта позволяло той читать лишь любовные романы и дамские журналы. Что подруга блестяще подтвердила.

– Слушай дальше. Из Виолетты и то и другое прет, как тесто из кастрюли. Любовный пыл она растрчивает на трех любовников...

– У нее три любовника?! – вновь перебила Лайма.

– Да. Она мне их всех продемонстрировала. Как на собачьей выставке.

– Вы что, подружки? – взревновала Лайма.

– Нет, но кажется, ей почему-то хочется меня удивить.

Лицо Лаймы приняло милейшее кислое выражение: с ней Виолетта никогда не открывничала. Почему же с Лизой?

– А ее агрессивность реализуется в перманентном ремонте. Ей постоянно надо что-то крушить. Хотя бы стены собственных хижин. Она упивается мыслью об учиненном разгроме. Я так думаю. Как тебе моя гипотеза? Согласись, логично. Любовный пыл тратится на фаворитов, агрессия – на уничтожение интерьеров.

– М-да.

– Я сначала расстраивалась, потому что мне невероятно жаль было обдирать до арматуры квартиру, оформленную тобой с потрясающим талантом.

– Ты серьезно так считаешь? – недоверчиво спросила Лайма, падкая на комплименты.

– Обстановка была изумительная. Но – была. Теперь там все иначе. И вот я подумала: ведь страсть к разрушению могла проявиться у Виолетты по-другому. В более вредной для общества форме. Так пусть уж громит свои квартиры за свои же деньги, раз хочется. Правда, Лаймочка?

– Лиза, Лиза, – снисходительно улыбнулась Лайма улыбкой умудренного жизненным опытом товарища. – Целую теорию выстроила. Психологический портрет Виолетты нарисовала. Вернее, попыталась нарисовать. А суть в том, что баба с жиру бесится. И всего-то.

– В целом да. И это тоже верно, – согласилась Лиза. – Но как ни странно, а тетка она классная. Она вырабатывает гейзерную, вулканическую энергию! Я заряжаюсь от нее! И мне хочется быть такой же молниеносной, неумемной, полной замыслов!

– Матрешки, хватит трепаться, – появился перед девушками Родион. – Лизавета, дуй, Апогеша зовет. Нам обломился еще один богатый клиент.

– Как же?! – возмутилась Лиза. – У меня и так банк «Антей» и Виолетта. Мне больше никого не надо!

– Ты ведь заканчиваешь с Виолеттой, маруся. О, да ты опять всех мужиков перетопила! – Родион взглянул на Лизин монитор и увидел, что зеленые человечки барахтаются в реке.

– С Виолеттой трудно быть в чем-то окончательно уверенной. Лаймушка, иди ты. Не хочу никого брать. Или пусть Апогей вызовет из отпуска Жанну. Или Андрея!

Был последний месяц лета, было нежаркое солнце, теплый ветер, чудесная погода, и в голове витали мысли о новом знакомом. Не хотелось глотать строительную пыль и экспансивно общаться с рабочими, осуществляя авторский надзор.

Лайма поднялась с кресла, собираясь принять на грудь очередного клиента, но Родион ее остановил.

– Лиза, ты не поняла? Апогеша зовет *тебя*. Тебя жаждают.

Лайма опустила обратно с таким видом, будто только что вонзила тридцать два зуба в лимон. Лиза вздохнула и поплелась в кабинет директора.

– Вот, Руслан Романович, это и есть наша Елизавета, – торжественно и не без гордости произнес Апогей Павлович при появлении сотрудницы. Он осмотрел подчиненную любовно, как самую классную лошадку своей конюшни.

Лиза натянуто улыбнулась. И замерла.

Он был достоин глянцевого обложки журналов. Он мог бы рекламировать коньяк, сигареты «Бонд» и модную мужскую одежду: для этого у него было все – пронзительная мужественность, великолепный рост, совершенная фигура, кураж в зеленом взгляде, твердая, властная линия подбородка, живописные черные брови. «Ого-го! – подумала Лиза. – И он на самом деле существует? А если потрогать?» Наверное, нереальный мужчина сейчас исчезнет из кабинета начальника, как мираж.

Но Руслан Романович оказался вполне жизнеспособным объектом действительности. Он улыбнулся Лизе краешком рта.

– Буду счастлив воспользоваться услугами столь юного и прелестного дизайнера.

– Но у Лизы опыт, заметьте, – напомнил Апогей Павлович. – И ни одной рекламации.

Лиза и Руслан бесцеремонно разглядывали друг друга. Елизавета онемела от восторга, но личности клиента это не касалось: точно так же она замирала от счастья в морозный день, увидев «совершенно фантастический!» по красоте сугроб или идеально ровную сосульку. Она рассматривала Руслана Романовича как неодушевленный экспонат, предмет с признанной художественной ценностью, как самый крупный и безупречно ограненный бриллиант на выставке драгоценных камней. Он радовал глаз оформительницы совершенством линий, филигранностью исполнения. Первые пять минут.

Интерес клиента к миленькой дизайнерше, кажется, был менее платоническим. Его взгляд задержался на тех частях Лизиной фигуры, где обычно и задерживаются мужские взгляды.

– Так поехали? – спросил Руслан. – Это возможно – поехать прямо сейчас?

– Елизавета, Руслан Романович Рудницкий сделал нам заказ на оформление офиса. И у него поджигает время. Дерзай, моя радость.

– Но, Апогей Палыч! – взмолилась Лиза. – Я ведь не закончила с Виолеттой Крикуновой. Вы же знаете, она непредсказуема! И конкурс впереди... Еще с «Антеем» не закончили.

– Но Лайма тоже загружена, – напомнил Апогей.

– Да у нее...

– Загружена, – четко повторил босс. – Ах, Руслан Романович, у нас наплыв. Но для вас мы в лепешку.

– Не хочу в лепешку, – пробурчала под нос Лиза, как ребенок. – Мне и в моих формах неплохо живется.

Руслан рассмеялся.

– А почему бы не вызвать Жанну или Андрея? Хватит им отдыхать!

– Елизавета!!! – рявкнул Апогей Палыч. – Не перечь мне! Руслану Романовичу не нужны Лайма, Жанна или Андрей. Ему рекомендовали тебя. И он хочет только тебя.

– Польщена доверием, – хмыкнула Лиза.

Руслан смотрел на нее с нескрываемым веселым интересом. Видимо, его удивило упорство, с которым юная дизайнерша пыталась отделаться от клиента. Наверное, для него это было

внове – вряд ли раньше девушки отказывались от плотного сотрудничества с богатым красавцем.

– Вы хотите, чтобы я прямо сейчас сделала замеры? – уныло спросила Лиза.

– А что тебя останавливает? – взмахнул руками Апогеша. – Быстренько собралась и поехала.

– Буду ждать на улице, – коротко бросил Руслан Романович, поднимаясь.

– Я только возьму портфель! – крикнула вдогонку Лиза, словно нужно было отчитаться, что именно она возьмет.

«Ладно, попалась так попалась, – решила она. – Ленъ, праздность – это страшный грех. Надо работать над собой, совершенствоваться, искоренять недостатки. В принципе я ведь на самом деле почти закончила с Виолеттой. И этот красавчик очень кстати. Ни секунды простоя. Блесну гениальностью. Руслан Романович Рудницкий. Три «Р». Р-р-р... Впечатляет...»

– Где моя рулетка!!! Где мой блокнот!!! Где моя косметичка!!! – дико заорала Лиза Лайме и Родиону. – Там клиент!!! Нетерпеливый!!!

– Уже видели, – с завистью сообщила Лайма. – Шикарный самец. У него «шевроле-блейзер».

– И костюмчик за штукарлик баксов, – заметил Родион. – На премиальные купишь шубу.

– У меня есть шуба, – ответила Лиза. Она рылась в столе, пытаясь найти рулетку. – Вдруг он скупердй.

– Вполне возможно. Но, безусловно, красив. Прямо Ален Делон в молодости.

– Или Брэд Питт, – вздохнула Лиза.

К недешевым услугам «Артиссимо» прибегали в основном люди весьма обеспеченные, городские толстосумы. Народные массы самостоятельно выбирали и марку унитаза, и цвет портьер, не доверяя подобные интимные операции дизайнерской фирме.

Нельзя сказать, что, всласть наобщавшись с бомондом, Елизавета была в буйном восторге от скромности, учтивости, интеллигентности крутых слоев общества. Порой Лизу пытались низвести до уровня прислуги и к дизайн-проекту требовали обязательного приложения в виде подбострастия, подхалимства и самоуничижения. Это было отвратительно, работа с подобными людьми превращалась в мучение. «Тебе трудно, что ли, лишний раз улыбнуться?! – вопил Апогеша. – Клиенты – как дети! Надо быть терпеливой!»

Поэтому и от Руслана Рудницкого, вмиг, благодаря сопутствующим атрибутам, отнесенного в категорию новых русских, Лиза не ждала примеров самоотверженного гуманизма. Будет обычное высокомерие и хамство, обусловленное тем, что ее услуги щедро оплачиваются, а значит, она обязана суетиться, «делать красиво» и не вякать.

– Лиз, ну долго тебя ждать? – улыбнулся Рудницкий, и ничего хамского в его вопросе не было. Была на удивление приятная интонация – словно старый знакомый обращался к хорошей подруге.

Руслан стоял у «шевроле», придерживая распахнутую дверцу и приглашая девушку в недра кожаного салона.

– Какой красивый! – громко выразила восторг Елизавета.

– Спасибо, – скромно кивнул бизнесмен, зардевшись.

– Необычный цвет – ежевика, размятая в сметане! Мне нравится!

Руслан поперхнулся, потом рассмеялся. Очевидно, представил себя цвета ежевики да еще и в сметане.

Лиза устроилась на сиденье. Начало было умиротворяющим: и дверцу придержал, и руку подал. Быстрое касание ладоней, воспоминание о другом мужчине, также не отказавшем себе в удовольствии сжать ее маленькую шелковую ручку. Саша. Как он умудрился очаровать ее, умную и разборчивую, за каких-то десять минут? И чем он ее очаровал?

– Удобно? – осведомился Руслан Романович. Но ответа не дождался: хорошенькая дизайнерша витала в облаках. – Конечно удобно, – ответил он сам себе, захлопывая дверцу. – Сейчас еще включим кондиционер...

В галантности клиента таилась другая опасность: сексуальные домогательства. И эта волнующая деталь тоже являлась частью работы Елизаветы. Лиза была симпатична и в дивном возрасте свежей спелости. Один раз ее едва не изнасиловали в загородном коттедже. Импульсивный клиент так возбудился от предложенной декоратором идеи потолка-трансформера и стеклянной лестницы, что эмоции вылились в темпераментную беготню по этажам. На пол летели ведра, рулоны, доски... Еле-еле удалось успокоить впечатлительного мужчину. В качестве последнего аргумента Елизавета использовала банку с водоемульсионкой. Превратившись в белое привидение, страстный клиент поутих. Отмачивали в ванной.

– Ничего, что я сразу на «ты»? – спросил Руслан. Он легко придерживал руль двумя пальцами левой руки и поглядывал на Лизу. Он словно изучал ее.

– Значит, и мне можно? – робея от собственной наглости, спросила девушка. Нет, она вовсе не стремилась сразу же придать отношениям с новым клиентом оттенок фамильярности и панибратства. Но если ему можно, почему же ей нельзя?

– Конечно! – согласился Рудницкий. – Сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Чудный возраст. А мне тридцать два. Староват?

– Смотря для чего, – пожала плечами Лиза. – На пуанты вставать, конечно, поздновато.

– А жениться?

– А вы не женаты? Ты не женат?

– Пока нет. Но собираюсь.

Руслан со значением посмотрел на Лизу так, словно его сердце с бриллиантовым обручальным кольцом в придачу лежало тут же в салоне автомобиля, красиво упакованное в подарочную коробку. И Руслан высматривал, кому бы вручить драгоценный презент.

– Жениться не поздно, – успокоила Лиза. – Чем ты занимаешься?

– Предприниматель. Практически – магнат. Шутка. У меня два образования – юридическое и экономическое. Спорт – плавание, горные лыжи, тренажеры. Характер спокойный, в меру нервный. Если довести – ругаюсь матом и могу набить морду. А так – ем с руки. Это в отношениях с женщинами. Мягко и покладисто. Романтичен.

– Сказка! – изумленно выдохнула Лиза. – Так не бывает.

– Конечно. Вру я все. В Екатеринбурге у меня сеть магазинов «Синий пеликан».

– Сеть – это сколько?

– Восемь.

– А здесь ты что делаешь?

– Приехал расширяться. У меня есть коттедж в Сосновом, вот недавно купил квартиру под офис. И буду открывать магазины. – Руслан сообщал сведения о себе с готовностью. Но, как ни странно, без хвастовства и снобизма.

– А кто тебе меня рекомендовал? – продолжила допрос любознательная дизайнерша.

Рудницкий некоторое время помолчал. Неужели его что-то смутило?

– Тут я тоже соврал, – признался он наконец.

– Как?!

– Да. Я зашел в вашу контору и в глубине зала увидел у компьютеров даму и ангела. Тебя окликнули по имени. И я понял, что просто мечтаю, чтобы моим интерьером занимался ангел по имени Лиза. Наврал твоему шефу, сослался на несуществующего знакомого. Мол, некая девушка-дизайнер с чудным именем Елизавета забрала ему умопомрачительный ремонт. Без подробностей. Вот и все. Я был не прав? Надо было арканить не тебя, а даму?

Лиза непроизвольно сморщилась.

– О нет, нет! – воскликнул Руслан, увидев ее реакцию. – Я неправильно выразился! Не думай, что я полагаю, будто уже тебя заарканил. Но, если честно, собираюсь. Ты произвела на меня впечатление.

Лиза сжалась на сиденье и посмотрела на водителя с опаской.

– Нет, приставать не буду, Лиза! – заверил Руслан. – Не бойся. Конечно, думаешь, везет меня неизвестно куда и неизвестно с какой целью. Ерунда. Цель прежняя – превращение моего офиса в конфетку. И я уважительно отношусь к мнению женщины и никогда не сделаю что-то против ее воли. Ты понимаешь, о чем я. Женщина всегда вправе сказать «нет». Так что ты в полной безопасности. Хотя находиться рядом с тобой весьма непросто. Ты фонишь.

– Я?!!

– Потрясающе женственна.

– О боже! Руслан, давай я выйду прямо здесь.

– Все, молчу. Разболтался, блин, Цицерон. А то ты и впрямь сбежишь.

«Какой резвый дебют! – изумилась Лиза. – Интересно, что ждет нас в эндшпиле? Но одно я теперь знаю точно: я исключительно красива! Две жертвы моей неотразимости за два дня. Ведь неплохой результат, правда? Вот только бильярдист так и не появился... Почему-то...»

– Приехали, – объявил мужчина, наповал сраженный исключительной красотой и женственностью Елизаветы. – Вон там, в торце здания. Ул. Петрарки, 84.

Глава 9

За субботу и воскресенье Саша Валдаев семнадцать раз элегантно, со скоростью два километра в час, проехал на серебристом джипе мимо фирмы «Артиссимо». Он уже знал, что там работает девушка, очаровавшая его скоропостижно и бесповоротно. Но в выходные дни фирма была закрыта, а ломиться в квартиру Елизаветы (он и домашний адрес конечно же выяснил) у Валдаева не хватило наглости.

Зато в девять утра в понедельник он вновь предпринял попытку...

– Сашуля! – донеслось до Валдаева, едва он припарковался и вылез из автомобиля.

На крыльце «Артиссимо» стояла Лайма Лиутас и не без изящества тянула к Сашуле верхние конечности. Валдаев титаническим усилием воли подавил вопль ужаса, зацепился за дверцу «лендровера» и едва не свалился на асфальт.

– Сашуля, какая встреча! Сколько лет мы не виделись!

– Лайма! Выглядишь... Ну просто нет слов! – зашелся в восторге лицемер Валдаев.

– А я часто тебя вспоминала...

Удивительная особенность валдаевского характера заключалась в том, что все девушки, когда-то очутившиеся в сфере его сексуального влияния, даже после расставания сохраняли с ним добрые отношения. Он умел быть милым.

– И я! Я думаю о тебе постоянно! – признался сыщик.

– Не ври, подлец! – засмеялась Лайма.

– Клянусь! Ведь пол и стены моей девичьей светелки отделаны твоими гениальными руками.

– Ах, точно.

Три года назад Лайма, влюбленная в детектива, с маниакальной страстностью переделывала его однокомнатную квартиру под Петродворец. Роман окончился, а янтарный паркет в валдаевском бунгало, желтые стены и белый диван остались.

– Неужели ты с тех пор ничего не поменял?

– Как можно! – возмутился Саша. – Рука не поднимается! Но дай мне на тебя посмотреть. Ты потрясающе эффектно выглядишь.

Лайма зарумянилась от удовольствия. Да, благодаря достижениям современной косметологии – а Лайма была буквально пропитана наносомами, проретинолом, коэнзимом, липо-комплексами и фруктовыми кислотами – ей всегда удавалось скрыть свой почтенный возраст от окружающих. Мало кто давал ей тридцать. Так, двадцать девять с половиной.

Да, прошло уже целых три года после расставания со знойным сыщиком. Лайма отлично знала, что они добавили ей морщинок под глазами. Но ведь Валдаев мог этого и не заметить! На ней было салатное платье, с авиаконструкторской точностью повторявшее рельеф фигуры. Без рукавов и выше колена. Лайма щедро выставляла напоказ то, что еще успело избежать тлена: красивые загорелые плечи, точеные руки, гладкие коленки. И ненасытный детектив даже было облизнулся. Но страшные воспоминания о его безуспешных попытках разогреть это идеальное тело заставили Сашу вздрогнуть. Не часто он терпел фиаско, но даже гении на чем-то ломаются.

– Зайдем к нам? У нас кондиционер.

– Ты здесь работаешь? – кивнул Валдаев на вывеску «Артиссимо».

– Да, теперь здесь.

– Давай зайдем! – с энтузиазмом согласился сыщик.

Лайма и не подозревала, насколько Валдаева тянет в «Артиссимо». Насколько ему необходимо туда зайти.

Не успела Лиза появиться на рабочем месте и принять порцию утренних комплиментов по поводу внешнего вида (от Родиона) и массу ценных указаний (от Апогея), как в эпицентр дизайнерской мысли заглянул юноша в яркой форменной рубашке с массой лейблов и шевронов.

– Где Елизавета Виноградова?

– Это я, – испуганно призналась Лиза. – Я ничего плохого не сделала!

– Это она, – подтвердил Родион. – И мы ее в обиду не дадим!

Родион мужественно прикрыл девушку грудью, оттесняя парня в униформе.

– Что вы все тут такие нервные? – удивился тот. – Распишитесь в получении. Всего-то.

Он положил на стол перед Лизой длинную, в метр, плоскую коробку с бантом и протянул планшет с авторучкой.

– Там, где галочка.

Лиза послушно расписалась. И неуверенно посмотрела вслед парню. Потом на коробку.

– Будем открывать? – поинтересовался Родион. Апогей Палыч, не чуждый здорового любопытства, тоже подтянулся к столу Елизаветы.

Лиза открыла коробку. В ней на белом атласе лежало пять... семь... девять... Девять изумительных розовых бутонов на метровых темно-зеленых стеблях. Лиза восторженно ахнула.

– М-да, – сокрушенно вздохнул Родион. – Кто-то умеет преподносить элегантные подарки. Кто?

– Рудницкий. Руслан, – подняла Лиза глаза от визитки, прилагавшейся к цветам.

– Рудницкий? Тот кент на «блейзере»?

– Угу.

– Если влюбился, надо содрать с него по двойному тарифу, – быстро сориентировался Апогей Палыч.

Лиза посмотрела на шефа укоризненно.

– Апогей Палыч! Вы ведь не дом терпимости содержите! Вы не имеете права извлекать корыстный интерес из моей... из моей...

– Женской привлекательности, – подсказал Родион с придыханием. Он высоко ценил женскую привлекательность Елизаветы.

– А что? Да я так просто прикинул... – смутился Апогей. – Не хотел тебя обидеть. Но ты знаешь... Он ведь не обеднеет. Нувориш. А нам прибыль! Надо трясти буржуев, если есть возможность.

– Наверное, надо поставить их в воду, – сказала Лиза, вернувшись к розам.

Родион помчался искать тару. Через несколько минут букет был трудоустроен. Лиза теперь сидела как в засаде – под шикарным розовым кустом. Она теребила в пальцах визитку бизнесмена. Жирная надпись черным фломастером – девятизначный номер мобильного с восклицательным знаком на конце – призывала адресата, очевидно, тут же позвонить и отчитаться в получении букета. Выразить изумление, восторг, благодарность...

Как ни странно, но только присланные розы заставили Лизу впервые за двое суток вспомнить о Руслане Рудницком. Вернее, она уже обдумывала дизайн-проект для его офиса, однако сам владелец вовсе не фигурировал в верхней строчке хит-парада ее мыслей.

Удивительно... Ведь внезапно появившийся поклонник явно был очарован Лизой. Его заинтересованность девушкой была в глаза, как прицельно направленный солнечный зайчик. Они расстались в пятницу вечером, когда, исползав на пузе все помещение с блокнотом и рулеткой в зубах, труженица сделала тщательные замеры офиса. Руслан изо всех сил мешал ей заниматься делом: подставлял стул, придерживал за талию, путался под ногами. Он готов был, как Крокодил Гена Чебурашку, носить Елизавету по комнатам, пока она измеряет расстояния от стены до стены, от двери до окна и от пола до потолка.

Красавец бизнесмен основательно достал Лизу. Его спасала только джентльменская корректность и полное отсутствие наглости. Но Лиза уже понимала, что работать с Рудницким ей будет трудно – она не собиралась отвечать на откровенные заигрывания предпринимателя. Он совершенно ее не интересовал. Невероятно, до какой степени молодой перспективный мужчина может не произвести впечатления на молодую незамужнюю женщину. Лиза и сама удивлялась своему равнодушию. «Как же так? – думала она. – Почему? Ведь хорош... Изумительно хорош! И не настырен, не чванлив, не хамоват. И богат. И интеллигентен. И образован. И никакой реакции с моей стороны...»

На самом деле, едва расставшись в пятницу, Елизавета выкинула из головы богатого, интеллигентного, образованного, красивого Руслана Рудницкого и все выходные провела в мыслях о бильярдисте Александре. Несчастный бизнесмен понуро маячил на окраинах Лизиного сознания, не в силах конкурировать с блондинистым голубоглазым юношей, полностью завладевшим мозгами Елизаветы. И кажется, ее сердцем тоже. И вполне возможно, что этот неведомый бильярдист был и наглым, и нахальным, и плохо подкованным в вопросах этикета, не в пример Руслану Рудницкому. Однако Лиза думала именно о нем.

«Но почему, почему? – не понимала она. – Виделись мгновение. И все... Так и стоит перед глазами. Что это? Любовь с первого взгляда? Или то, что французы называют *coup de foudre*, удар молнии?... А-а-а... Это феромоны! Запахи, определяющие сексуальную привлекательность. Мы с ним, как волк и волчица в лесной чаще, нашли друг друга по запаху, чтобы произвести жизнеспособное потомство. Так запрограммировано природой. Чтобы жизнь на земле не иссякла. Значит, судьба. Он – мой...»

Теперь, когда объяснение было найдено, оставалось только ждать удивительно милого светловолосого и голубоглазого волка, сердясь на него, что он так медлителен...

...Розы источали тонкий аромат. Лиза медленно возила карандашом по бумаге. Ей было грустно. Она томилась.

– О! Вот это встреча! – раздался над ней знакомый голос.

Лиза вздрогнула и подняла глаза. Сердце зашлось в немыслимом латиноамериканском танце, хлынула музыка, заиграли скрипки, зазвенели литавры, мир засиял яркими красками... Драгоценный бильярдист стоял рядом и улыбался ей...

Третий бокал минералки давался с трудом. Руслан выпил бы кофе, но для этого на улице было жарковато – он сидел под зонтиком летнего кафе. Бизнесмен с удовольствием вытянул бы пару рюмок коньяку – но не любил совмещать алкоголь с вождением автомобиля. Руслан с еще большей страстью накачался бы ледяным пивком под мягкой кремово-белой шапкой – но опять же ежевичный «шевроле» находился в поле зрения и своим присутствием умирлял порывы хозяина. Кроме того, Руслан хорошо знал, что при такой температуре воздуха пиво тотчас начнет покидать организм, со специфическим запахом выделяясь сквозь поры. Плохо пахнуть не входило в ближайшие планы бизнесмена, так как с минуты на минуту он ожидал звонка девушки. Поэтому Руслан мужественно тянул холодную минералку.

А девушка все не звонила. Руслан напряженно посмотрел на крошечный «эрикссон», гипнотизируя его, но телефон, по размерам напоминавший ученический ластик, равнодушно игнорировал телепатические сигналы и молчал.

Руслан набрал номер фирмы, торгующей цветами.

– Здравствуйте. Вы доставили розы в «Артиссимо» для Елизаветы Виноградовой? Час назад? Понятно...

Неудачливый поклонник в задумчивости повертел в руке трубку. Потом раздраженно бросил ее на стол. На столе, рядом с бокалом, лежала фотография Лизы. Руслан поднес ее к глазам, словно хотел рассмотреть получше.

– Спасибо, хоть не уродина, – зло прошипел он сквозь зубы. – Маленькая сучка!

Разочарование и возмущение, охватившие Лайму, не имели границ. Или вполне были сопоставимы по масштабности с глубиной Атлантического океана.

Едва переступив порог «Артиссимо», Саша Валдаев бросился с горящими глазами и полным ртом слюны к Елизавете! Лайма ни за что бы не поверила, что они видятся всего второй раз в жизни. Лизины щеки порозовели от удовольствия, а Валдаев... О, лицо Александра тоже покрылось легким румянцем. И едва Лайма увидела этот румянец, она поняла: на возрождение большого чувства ей рассчитывать не приходится! Потому что никогда на памяти Лаймы сыщик не проявлял признаков смущения. Он обращался со своими многочисленными подругами лихо, с молодецкой удалью и никогда не смущался...

А Лайма уже размечталась, раскатала покрашенные губки! Она надеялась вновь испытать все радости совместной жизни с веселым сыщиком! Три года назад ей было очень хорошо с ним. Правда, Валдаев, как и другие мужчины, так и не сумел доступно объяснить ей, что такое оргазм. Но, разменяв четвертый десяток, Лайма твердо была уверена, что оргазм – выдумки женщин, жаждущих угодить мужчинам. Его вообще не существует в природе! Это миф, слухи, виртуальный продукт женского лицедейства и мужского самомнения... А так – отлично было бы снова пожить вместе с Валдаевым. Лайма встречала бы сыщика после работы, кормила пельменями. Опять отремонтировала бы ему квартиру – столько времени уж прошло, наверное, все осыпалось...

– Так вы знакомы, – убито констатировала Лайма.

– Совсем не знакомы, – улыбнулся Валдаев. – Виделись всего один раз.

– В ресторане напротив, – кивнула Лиза.

– А я тут проезжал мимо и увидел Лайму. Мы с ней старые друзья. Она пригласила зайти – и тут такой сюрприз! – бессовестно врал Валдаев.

Лайма поморщилась. Погоны старого друга ее не устраивали. Но, девушка довольно разумная, она предпочла оставить голубков одних. Тем более что ее почти тошнило от их воркования. Лайма отошла в сторону и уткнулась мрачным взглядом в дисплей.

– Лиза, Лиза, Лиза, – воодушевленно щебетал Валдаев, опьяненный предчувствием удачного знакомства, – все эти дни думал только о тебе!

– Правда? – засияла красна девица.

– Да! Думал, ах, какой идиот, не взял телефона у тебя там, в ресторане! Но судьба нас вновь свела! Это отличный знак.

– Я тоже так думаю!

– Красивые розы. Подарок поклонника? – ревниво освидетельствовал букет сыщик.

– Нет, что ты! – возмутилась Лиза. – Они тут стоят уже неделю! Некуда было поставить... Поставили на мой стол...

Быстрым движением девушка порвала на четыре части визитную карточку, валявшуюся на столе под розовым кустом, и, очаровательно улыбаясь Валдаеву, бросила ее в корзину.

– Пойдем прогуляемся!

– Ой!

– Что – ой?

– Я сейчас не могу. Я должна ехать в боулинг-центр.

– Увлекаешься боулингом?

– Нет! У меня там встреча с клиенткой. Она владелица этого центра.

– Я подвезу! – озарился солнечным светом Валдаев. – Поехали!

Да, Лиза отлично доехала бы и на «тойоте». Но серебристый автомобиль Валдаева сладко, призывно урчал – наверное, как и хозяин, он мечтал прокатить хорошенькую крошку. Увидев, что новый знакомый тоже является счастливым обладателем дорогой иномарки, Лиза мыс-

ленно отметила, как чрезвычайно везет ей в последнее время на оджипованных бизнесменов. Просто нескончаемый поток!

– Значит, ты дизайнер, как и Лайма?

– Да. Только лучше, – пояснила Лиза.

– Несомненно, лучше! И такая аппетитная!

– Я имею в виду профессиональный уровень. У меня он выше.

Кто сказал, что скромность украшает? В век торжества рекламы скромность способна украсить разве что счет за телефонные переговоры.

– А ты чем занимаешься? Зарабатываешь на жизнь бильярдом?

– Что ты! – возмутился Валдаев. – Так... По детективно-юридической линии.

– А... Ясно, – кивнула Лиза. Хотя информативность валдаевского ответа приближалась к нулю. – О, какая музыка! Я сделаю погромче?

– Конечно!

Обычно Валдаев начинал резво перескакивать с одной радиоволны на другую, едва из динамиков доносились звуки классики. Он предпочитал современные ритмы. Например, квартет «Блестящие» заставлял его трепетать. Особенно когда знойные девочки были не только слышимы, но и видимы. Но сейчас музыка Вивальди показалась ему божественной. Мелодия скрипичного концерта как нельзя лучше аранжировала поток эмоций, наполнивших салон автомобиля.

– Здесь направо?

– Да, направо.

Остаток пути они улыбались, молча поглядывая друг на друга. У боулинг-центра пусть и хорошо им было вместе, но пришлось расстаться. Лиза почему-то ожидала приглашения на вечернее увеселительное мероприятие: поход в кино или ночной клуб или же просто на прогулку по городу. Она держала бы его под локоть, да, она положила бы легкую ладонь на сгиб его руки, чтобы ощутить великолепную увесистость его атлетической мускулатуры, она смотрела бы на него снизу вверх, он увлеченно пудрил бы ей мозги. Или они просто молчали бы, прогуливаясь по прохладным вечерним улицам, она сто лет уже ни с кем не гуляла!

Однако предложения не поступило. Детектив только быстро чмокнул крошку в розовую щечку, бросил лаконичное «Увидимся!» и помахал рукой на прощание, оставив девушку в полном недоумении.

Глава 10

– Построила персонал на подоконнике, стряхнула с них нафталин и дала заряд бодрости на неделю, – отрапортовала Виолетта, увидев Лизу. – А теперь – разминочка минут на десять. Держи! – Бизнес-леди кивнула на шары, приглашая принять участие в разминке.

Елизавета, возбужденная только что отгремевшим свиданием с Александром, выбрала шар зеленого цвета, энергично уцепилась за него, рискуя маникюром, и бросила. Тот покатился тяжело, основательно. И уехал вбок. Шеренга празднично-белых кеглей с красными ободками-колье на «шеях» осталась стоять нетронутой.

– Эх, ты! – улыбнулась Виолетта. – Учись!

Она прицелилась. Через несколько секунд кегли попадали, как новобранцы на передовой. Ни одна не устояла.

– Тренируйся!

Лиза бросила еще пару шаров, с той же непревзойденной меткостью, а потом вспомнила, что приехала в боулинг-центр по делу.

– Фантастика, – удивилась Виолетта. – Оказывается, я наняла для оформления интерьера совершенно косоглазого ребенка.

– Для дизайнера, биатлониста и невесты косоглазие не помеха, – авторитетно заявила Лиза. – Нет, хватит развлекаться. Лучше подберем новый колер для кабинета.

– Подберем! – Виолетта ухватила за следующий шар.

Лиза достала из портфеля снимки уже готовой комнаты и пластиковый веер с колерами. Она стала прикладывать поочередно лепестки веера к фотографиям и совать композицию под нос Виолетте. За месяцы сотрудничества с мадам Крикуновой заниматься подобной процедурой ей приходилось в тысячный раз.

– Вот это мне нравится!

– Точно?

– О боже! Елизавета! Если я сказала «да»...

– Это значит – «да». А если «нет» – это значит «нет». Однако ваш кабинет мы перекрашиваем пятый раз, дорогая Виолетта Марковна!

– Неужели? – задумалась дама. – Мне так трудно угодить? Я так непоследовательна?

– Вы феноменально последовательны – в преданности самой себе и своему характеру, – пробубнила Елизавета. – У вас в крови – жажда новизны. Все вам надоедает раньше, чем успевает понравиться. Так может продолжаться бесконечно! – Лиза нахмурилась.

– Ах, Лиза! Ты умеешь сердиться! – усмехнулась Виолетта. – Я-то думала, ты – кроткий ангел!

– Я стараюсь быть кротким ангелом. Гнев – непродуктивное чувство. Провоцирует необдуманные поступки. Препятствует адекватному восприятию действительности. Да. Но, Виолетта Марковна! Я стараюсь быть кротким ангелом, но и вы постарайтесь окончательно определиться с цветом вашего кабинета. Ведь мы уже почти закончили! И вдруг – гром среди ясного неба! Вам, оказывается, совершенно не нравятся стены в кабинете!

– Ты меня убедила, – кивнула Виолетта. – Оставим кремовый. Хрен с ним. Я сейчас подумала... Мне нравится. И та картина, что ты прибацала справа от входа, то монументальное полотно три на четыре метра, хорошо сочетается с кремовым фоном.

– Да?! – вскричала обрадованная до слез дизайнерша. – Я счастлива!

– Нет, решено, кабинет трогать не будем. Но, Лиза, я тут присмотрела... Спальный гарнитурчик из массива сосны. Красоты необыкновенной. Все строго, четко, геометрично. Производства Италии. Хочу купить.

– Как же так? – убито пробормотала Лиза. – Но... Ведь спальня тоже в полной боевой готовности! И вы просили при ее оформлении танцевать от имеющегося бело-золотого гарнитура. Я и разрабатывала проект, учитывая эту застывшую симфонию. Куда ж я теперь впишу вашу сосну?

– Ты сама тонко намекала, что мой белый гарнитур с золотыми завитушками немного пошловат.

– Вы сказали, что любите его всем сердцем. Я должна учитывать ваши вкусы.

– Тот из сосны и вправду элегантнее. На его фоне моя бело-золотая любовь кажется китчем.

– Поздравляю. Вы растете на глазах. Как июньская клубника. Что, вновь возьмемся за спальню? – уныло спросила Лиза.

У нее испортилось настроение. Она была близка к отчаянию. Она поняла, что никогда не отвяжется от Виолетты. Она будет всю жизнь перекрашивать стены, двигать мебель, менять светильники в ее пятикомнатной каморке. А если, по какой-то фантастической случайности, ей удастся все же покончить с одной квартирой, у Виолетты имеется наготове еще две.

– Нет! Я не согласна, – решительно заявила Елизавета. – Так дело не пойдет!

– Я говорила, что мне очень нравится с тобой работать? Ты милая, приятная, но с непоколебимым чувством собственного достоинства. Еще никто из подчиненных не говорил со мной в подобном тоне.

– Извините, если я была груба, – сникла Лиза. – Но ведь ремонт не самоцель! Мы должны в конце концов добиться какого-то результата! Надо заканчивать. И я – не ваша подчиненная.

Лиза подняла на ненасытную рабовладелицу взгляд, полный мольбы. Ей очень не хотелось снова приниматься за спальню. Ей уже надоело!

– Ты права, ты права! Пойдешь ко мне работать? – предложила вдруг предпринимательница. – Будешь моим референтом. Зарплата, для начала, пятнадцать тысяч. Согласна?

Надо сказать, у Лизы давно уже появилось нехорошее подозрение, что при более прохладном отношении к ней Виолетты квартиру удалось бы отремонтировать гораздо быстрее. А так... Бизнес-леди явно не хотела расставаться с Лизой. Ей все время нужно было иметь ее рядом. Виолетта беспрестанно назначала встречи то в тренажерном зале, то в кафе, то в косметическом кабинете, делилась впечатлениями, интересовалась мнением, представляла Лизу знакомым, звала с собой на презентации, в театр, в сауну.

Конечно, на роль подружки Виолетты талантливая сотрудница «Артиссимо» никак не подходила – она была намного младше. Очевидно, Лизе была уготована роль маленького пажа. Один раз услышав от Елизаветы комплимент, Виолетта попала на удочку. Ежедневно утопая в волнах подобоострастного восхищения со стороны материально заинтересованных в ее благорасположении индивидуумов, предпринимательница поняла, как приятно заслужить одобрение человека искреннего и неискушенного в науке лести...

– А? Пятнадцать тысяч!

Вряд ли Елизавете удалось бы сохранить способность откровенно выражать нелицеприятное мнение прямо в глаза Виолетте, если бы бизнесменша стала платить ей пятнадцать тысяч рублей в месяц.

Апогей Палыч платил три плюс премиальные. Но работа в «Артиссимо» доставляла удовольствие. Это было Лизино призвание. Выкрутасы клиентов, их капризы и непостоянство – не в счет. Главное – возможность приблизиться к гармонии, создать ее своими руками. Лиза превращала квартиры с ободранными стенами, торчащими электропроводами и вздыбленным полом в нечто прекрасное, изысканное. Видеть результат творческих усилий – это чудесно, это так вдохновляет!..

– Нет, Виолетта Марковна, я не секретарша! Зарплата, конечно... – Лиза красноречиво вздохнула, намекая, как по душе ей названная сумма. – Но... Спасибо за предложение!

- Двадцать тысяч! – подняла ставку Виолетта.
- Нет, – покачала головой Лиза.
- Двадцать пять!

Лиза пристально, почти с ненавистью посмотрела на мадам Крикунову в надежде, что та не скажет «тридцать». Нет, не потому, что от такой суммы месячной зарплаты она не смогла бы отказаться, а потому что сцена торгов была унижительна для Лизы: Виолетта словно пыталась выяснить, за какую сумму девушка согласится себя продать.

– Ладно, живи, – кивнула дама, и не заметив, что причинила впечатлительной оформительнице некоторые нравственные страдания. – И спальню, так и быть, не будем трогать. В конце концов, я могу поставить новый гарнитур в другую квартиру.

– Удачная мысль! – обрадовалась Лиза.

– А на чем это ты приехала? – резко сменила тему Виолетта. Ее немного покорило, что девчонка так легко пренебрегла ее деньгами. Она даже готова была обидеться на строптивую нахалку. Но с другой стороны, своим отказом она подтвердила замечание самой же Виолетты о наличии у нее, Лизы, чувства собственного достоинства.

– Я? На джипе. Как это вы заметили?

– Серебристый «лендровер»? А где же «тойота»?

– Меня подбросил знакомый, – зарделась Лиза.

– По радостному блеску твоих глаз делаю вывод, что водитель серебристого монстра тебе очень и очень по душе.

– Нет, ну... Почему же? Впрочем, да, – призналась Лиза.

– А ты так обрадовалась идее прокатиться с ним, что даже и не вспомнила про обратную дорогу.

– Ничего страшного, доберусь, – спокойно улыбнулась Лиза.

На самом деле Виолетта была совершенно права. Перспектива путешествия в обществе прекрасного сыщика настолько захватила Елизавету, что она забыла на рабочем столе сумку с деньгами, косметикой и документами, прихватив только портфель с эскизами! Теперь ей придется телепаться от боулинга до «Артиссимо» через полгорода на троллейбусе, причем «зайцем». А ездить «зайцем» Лиза боялась, ведь кондукторы порой бывают страшно неделикатны. Просить у Виолетты несколько рублей на билет тоже не представлялось возможным – та начала бы совать крупные купюры вместо мелочи, потом эти деньги надо было бы как-то возвращать, Лиза даже видела, как мадам пренебрежительно машет рукой: «Оставь себе эту мелочь», нет, нет, нет, занимать деньги у клиентки было совершенно невозможно. Лиза решила, что поймает такси и попросит водителя подождать у «Артиссимо»...

– Пойдем, мне в твою сторону, – милостиво кивнула Виолетта. – Подкину тебя, влюбленная пташка!

Стоять на одной ноге было неудобно, но Лиза уже целых пять минут просто не знала, куда пристроить вторую.

– Иди сюда! – прорывался сквозь грохот и вопли голос Маши.

– Иду! – орала в ответ Лиза.

В центре прихожей громоздилось все постельное белье, имеющееся, вероятно, в доме Здоровякиных. Сверху были свалены мягкие игрушки в количестве пятидесяти штук и две сотни машинок. Пейзаж доподняла щедрая россыпь ярких деталей от конструктора «Лего»...

Каждый раз, попадая к Здоровякиным, Лиза не могла понять, что у нее с прической, – волосы на голове начинали шевелиться. А сейчас и вовсе встали дыбом. Потому что сверху на нее что-то упало!

– А-а-а!!! – забилась в истерике Лиза и рухнула в подушки.

То, что на нее свалилось сверху, оказалось котенком подростковых размеров. Несчастное животное (кажется, Мегабайт) было замотано в пеленку. Оно дергалось, пытаясь высвободиться, и смотрело на Лизу глазами полными слез.

– Ох, милый! – Девушка принялась разматывать узлы на пеленке, но тут в прихожую ворвалось улюлюкающее варварское племя.

Первым неся Антон, разукрашенный гуашью и облепленный пухом, следом – такой же Алексей. Замыкал строй маленький, но не менее возбужденный Эдик в новогоднем костюме лисы. Из-под оранжевой лисьей морды на лоб Эдика градом катился пот. За лисенком на привязи ехал полузадушенный Микрочип ярко-голубого цвета – его тоже покрасили гуашью. Процессия орала, вопила, лаяла, мяукала, стонала, гоготала, хохотала, визжала...

– Видишь, тебе еще повезло, – сказала Лиза спасенному Мегабайту, освободив его от упаковки. – Тоже мог бы стать голубым.

Обезумевшее животное нырнуло в ворох постельного белья.

Маша сидела в комнате, и на ее голове высился внушительный тюрбан из банного полотенца. Она стучала по клавиатуре и не сводила глаз с дисплея. На паркете вокруг стола и кресла белым мелком был начерчен полукруг.

– Это что – от демонов? – проорала Лиза, указывая на полосу и приблизив лицо к маховому тюрбану на голове Маши.

– А? Не слышу!!! – проорала в ответ Маша. Ей было жарко в ее экипировке, несмотря на работающий кондиционер. – Тебе дети открыли?!

– Дети!!! Да сними же ты, наконец!!!

Лиза помогла Маше избавиться от полотенца. Под ним оказалась армейская шапка-ушанка 58-го размера, под шапкой – наушники «Sony».

– Ты не боишься, что дети еще кому-нибудь дверь откроют?

– Ты думаешь, к нам кто-нибудь рискнет заглянуть? – с сомнением спросила Маша.

– Это что за каббалистические знаки? – снова указала на пол Лиза.

– Мой магический круг. Детям запретила переступать. Если попробуют, я тут же превращусь в птеродактиля и вылечу в окно.

– Действует?

– Конечно. Они уважительно относятся к моим просьбам. Не хотят иметь маму-птеродактиля. Вот, торговый дом «Петровский» ждет от меня программу со дня на день. А я не могу сосредоточиться. Не знаю почему.

В соседней комнате раздался грохот. Подобными шумовыми эффектами сопровождается одновременный взрыв бомбы и приземление пяти вертолетов. Лиза вздрогнула, Маша только вздохнула.

– В садике отключили воду. Близнецов отправили домой. Они присматривают за Эдиком. А у меня цейтнот!

Объединенные усилия Алексея и Антона в деле воспитания Эдика, по мнению Лизы, грозили скорым разрушением квартиры, удушением двух котят и травмами детей. Но Лиза мудро не стала сообщать об этом подруге, она промолчала.

– А ваша новая нянька? Где она?

– Продержалась пять дней, – кивнула Маша. – Потом смылась. Ее доконала овсянка в туфлях.

– Овсянка? – сморщилась Лиза.

– Да. Эдик постарался. Носил чайной ложечкой из кухни, трудился, малыш. Молодец.

– Молодец?!

– Да. Что не перепутал туфли Татьяны Анатольевны с моими. Но слушай, Лиза! Татьяна Анатольевна меня удивила! Склоняю голову пред ее мужеством. Другим нянькам – ах, ну какие они все изнеженные! – и овсянка не понадобилась. А Татьяна Анатольевна! Героиня.

Три раза Эдик закрывал ее в туалете, два раза на балконе, а до меня докричаться ты знаешь как трудно, у меня вот программа для «Петровского»... Потом вылил в компот украденные из ее сумочки духи, изрисовал фломастером квитанции за квартиру, изрезал ножницами подол халата, четыре раза переворачивал на нее тарелку с супом, стащил из холодильника кетчуп в тубе и обстрелял несчастную – а ведь она уже собиралась уходить, то есть успела переодеться после рабочей смены в белую блузку. Момент был волнующий. Хорошо, что меня не задело. Лиз, забери котят, а? Жаль мне их, они у нас совсем ненормальные стали.

– Я заберу, – пообещала Лиза. – Я спрошу у соседей. Честно! Потерпи. Твой муж когда придет?

– Не знаю. Через час, наверное.

– Давай я слегка наведу порядок. Иначе его хватит апоплексический удар.

– Да что ты! – удивилась Маша.

– В любом случае, батальное полотно, ожидающее его в прихожей, не послужит укреплению ваших семейных отношений.

– Мне неудобно. Но если у тебя есть желание... А я тогда еще немного постучу. У меня здесь так интересно.

Маша готова была принять помощь в любом виде, только бы получить возможность остаться наедине с компьютером.

– Много тебе обещали за программу для «Петровского»?

– О-о-о!!!

– Понятно.

– Но деньги – не главное. Главное – я придумала совершенно гениальный алгоритм, и...

– Ладно, работай.

– И еще надо оптимизировать графику, и...

– Работай, работай.

Лиза вышла в прихожую. По прихожей удобнее было бы ездить на бэтээре – чтобы не застрять.

– Дети, давайте наводить порядок! – предложила Лиза бодрым голосом воспитательницы детского сада.

Враз шум и гам стихли. Через мгновение замерла беготня, возня и исчезли последние признаки шевеления. Дети испарились.

– Хорошо, я сама, – согласилась Лиза. И ухватила сразу три подушки.

Глава 11

Вечер Поль Деманже угрожал на то, чтобы пристроить в подмосковную клинику Ларису Бояринову. В прошедшие дни общение с переводчицей имело убойный эмоциональный эффект и отлично влияло на психику. Наблюдая за страданиями бедняжки, самому хотелось повеситься.

Сдав несчастную Ларису в дорогое заведение (ей там должно было понравиться – тишина, сосны, белочки, внимательный персонал), Поль ощутил настоятельную потребность подзарядиться положительными впечатлениями...

Пятнадцатилетнюю Вику он арендовал прямо у входа в любимый ночной клуб, крутой и престижный. Она стояла в очереди недалеко от сверкающего огнями входа и надеялась преодолеть фейс-контроль: лица моложе восемнадцати отсеивались бестрепетными охранниками. Едва дверь приоткрывалась, впуская внутрь порцию молодежи и выпуская наружу порцию ритмичных звуков, Вика тут же начинала дергаться в такт музыке. Девушка была хорошенькая и длинная, как макаронина. Они прошли через вход для vip-клиентов – в три раза дороже, зато без очереди.

– Ты манекенщица, – догадался Поль, осматривая приобретение.

– Выбраковка, – сморщилась Вика. – У меня неправильный прикус и крыльевидные лопатки.

– Давай я набью морду тому, кто сказал подобную чушь! – возмутился Поль. – Ничего не заметно.

– Кому надо – заметно. Так пошли?

И они в обнимку нырнули в море разноцветного лазера, ярких вспышек, мелькающих теней. Поль не позволил девчонке увлечь себя на танцпол первого уровня, где молодежь увлеченно дергалась под незамысловатые мелодии. Он знал, что этажом выше их ждут более утонченные удовольствия.

Викина экипировка состояла из маленьких кусочков блестящей ткани, закрепленных на голом теле тонкими завязками. В пупке, над крошечным лепестком юбки, болталось кольцо (как у Поля в ухе), спина, плечи, скулы были усыпаны блестящей пудрой. Босоножки на убийственной платформе прибавляли добрых пятнадцать сантиметров и без того немаленькому росту.

Поль тоже выглядел недурно: сетчатая майка и кожаные штаны. В машине Поль, достав из бардачка гель-хамелеон для волос, основательно прилохматился. Его фиолетово-лиловая челка теперь торчала и подрагивала, как хохолок на загривке зебры.

И вот, веселые и терпкие, во всем блеске юности (г-н Деманже, конечно, не тянул на мальчика, но в душе всегда оставался ребенком), Поль и Вика нагрянули в ночной клуб. И танцевали там восемь часов подряд, перемежая эспрессивные, дикие танцы с расслаблением у стойки бара...

Расстались под утро, в шестом часу.

– Слушай, ты не дашь мне немного денег? – небрежно спросила Вика, открыв дверцу автомобиля. Снаружи было прохладно, мокро от ночного дождя, свежо и чудесно. – А? Просто так. На карманные расходы. Ты ведь богатый. И нерусский.

Поль раскрыл бумажник и протянул юной вымогательнице несколько сторублевков. Та сразу оживилась, стряхнула томную усталость с истерзанного танцами тела. Плюхнувшись обратно в кресло, Вика полезла на Поля, обняла его за шею и начала благодарно целовать в щеки, губы, нос и лоб.

– Ты душка! – резюмировала она. – Если что, я там всегда в очереди, по вторникам и субботам!

Добравшись до квартиры, Поль принял ледяной душ, разогрел в микроволновке три сосиски, надел свежую рубашку (с красными огурцами), серо-голубой костюмчик и отправился в представительство «Де Грос». Нужно было заканчивать последние дела и закрывать контору.

От Здоровякиных Лиза шла пешком по Оранжевому бульвару. Выражение «шла пешком» было чересчур тяжеловесно для описания Лизиной походки. Радостная и очарованная, девушка порхала, как бабочка, перелетающая с одного цветка на другой. И еще она что-то напевала себе под нос. У Лизы было восхитительное настроение.

Она витала в облаках, и в этих радужных облаках мелькал златокудрый всадник на серебристом коне. Всадник обладал всеми мыслимыми и немыслимыми мужскими качествами. Буйное девичье воображение рисовало нового друга именно таким – он был храбрым воином, древнегреческим богом и ловко расправлялся с противниками; он был заботливым кормильцем и приносил Елизавете к телевизору аппетитно зажаренную отбивную и морковный салат, а потом упоенно мыл посуду.

Да, Лизин избранник был сильным и непробиваемым, как когда-то Берлинская стена, но трепетным и нежным. Страстным, как голодный тигр, но деликатным, как выпускница закрытого пансиона. Фантастически изобретательным в сексуальных развлечениях. И преданным, как овчарка. Да к тому же финансовым гением, мудро устрояющим материальные дела семьи. Да еще и интеллектуалом-энциклопедистом, способным дать ответ на любой вопрос. А в будущем – преданным и заботливым отцом, обожающим менять памперсы, вытирать сопли и пять часов кряду толкать перед собой коляску.

Последний пункт был очень важен для Лизы. Выросшая без отца, она конечно же хотела, чтобы у ее собственных детей был полный комплект родителей.

Соответствовать образу мужа, выдуманному Елизаветой, было так же трудно, как угодить Прокрусту. Поэтому многочисленные претенденты отправлялись в отставку с ельцинской решительностью.

Разве Валдаев отвечал всем требованиям придирчивой красотки? Нет. Но у него имелся в рукаве козырной туз – Елизавета почему-то была очарована сыщиком. И то, что Саша не стремился интенсифицировать знакомство и не пригласил ее куда-нибудь сегодня вечером, тоже добавило очко на счет Валдаева. Ведь требовательность женщины уменьшается по мере увеличения отрезка времени, проведенного в ожидании. Теперь Лиза думала о сыщике так, словно она оказалась в пустыне, а Валдаев был запотевшей двухлитровкой «Бонаквы», спрятанной в холодильнике с огромным навесным замком. Она не была уверена в ответном чувстве сыщика, она сомневалась и переживала.

«Я ничего о нем не знаю, – размышляла Лиза. – А вдруг у него кто-то есть? Еще одна подруга. Я ему понравилась, это однозначно, но куда же деть предыдущую мисс? Да, ему потребуется время, чтобы трудоустроить ненужную девицу. И вечер, наверное, он проведет с ней, вытирая ей слезы платком. Поэтому-то он и не назначил мне свидания. Она будет горестная и красноглазая. А он – добрый и ласковый. Но и безжалостный. Он ведь должен отказаться от нее. А как же иначе? Ведь теперь у него буду я. Я! Ах! А если мадам вовсе не красноглаза? Если она красива, как Мэрилин Монро, Катрин Денев и Летиция Каста, вместе взятые?! Что тогда? Нет, я лучше. Несомненно, я лучше. Ведь он обратил на меня внимание. Но вдруг... Вдруг он донжуан? И обращает внимание на все, что шевелится и имеет накрашенные губки? И я для него – очередное развлечение? Нет, нет, нет! У нас все будет серьезно... Но какая чудесная сегодня погода! И я, вероятно, выгляжу потрясающе, ведь мужчины просто рвут меня на куски глазами. Хорошо, что только глазами. Лето – это отлично. Как я люблю лето! Люблю, когда тепло! Ах, позвольте, на осень у меня фантастические брюки из Парижа. Бесподобные, обалденные! Алиночка уже начала канючить. Нет, не дам! Да, скорее бы похолодало! Тогда я смогу их надеть. Париж, Париж! Медовый месяц мы обязательно проведем в Париже. Но осилит ли

Саша путевки? М-да... Это обойдется в кругленькую сумму. Месяц в Париже. И мы ведь остановимся в пятизвездочном отеле, в номере для молодоженов. Сколько же это будет стоить?..»

Внезапно в памяти, словно яркая вспышка, возникла картинка солнечного майского дня, и Лиза увидела себя в парижском кафе «Жорж». А рядом – элегантного мужчину, предсказывающего ей судьбу. Он щедро обещал ей миллионы. Богатого бизнесмена в мужья. Но как же? На роль крeza Саша никак не подходил. Сыщик сразу признался, что джип записан на фирму и владеет он им совместно с другом, значит, два колеса принадлежат ему, два – другу. И если они с другом, не дай бог, разругаются (но это маловероятно!), то придется пилить серебристого красавца пилкой для ногтей... Да и дела у фирмы идут в последнее время не очень...

Елизавету прошиб холодный пот. Раз брак с симпатичным детективом-бильярдом не сулит мгновенного обогащения, неужели судьба увлекает ее в цепкие объятия другого мужчины?

«Руслан Рудницкий?! Он?! Тот парижанин имел в виду Руслана Рудницкого! Вот уж кто богат! Восемь магазинов «Синий пеликан» – и все мало. Приехал расширяться. Коттедж в Сосновом, где каждый домик под двести тысяч зеленых. И колеса «шевроле», без сомнений, принадлежат ему всецело, а не частично. Значит, он? Рудницкий? Он – моя судьба?»

Настроение Лизы резко изменилось. Она сникла. И довольно долго уныло плелась по цветущему и благоухающему Оранжевому бульвару, пока не поняла, что совсем не обязательно принимать всерьез пророчество случайного парижского знакомого.

«Ах, какая я дура! – тут же приободрилась Лиза. – Глупая! Да он просто хотел привлечь к себе внимание! Он хотел сказать мне что-нибудь необычное! А я-то уши развесила, как спаниель! С какой стати я должна думать о Рудницком как о женихе, от которого не отвертеться? Он вообще-то пока только девять цветочков прислал. Не бриллиантовое же кольцо! Возможно, у него тактика – комплименты, цветы, постель. И постель – это конечная цель. А потом начнутся придирки, замечания и вопли по поводу того, что я не укладываюсь в график с его офисом. А замуж он мне еще и не предлагал. И Саша, кстати, не предлагал. И даже в клуб меня не пригласил, в кафе, на дискотеку. О, какой кошмар! Да я не нужна ни тому ни другому! Фантазирую, мечтаю, прицениваюсь, а суровая правда жизни заключается в том, что я им не нужна! Какое горе! Все, жизнь не удалась. Лето, вечер, прохлада, розы пахнут, жасмин тоже, хочется обниматься, целовать, смотреть в глаза любимому, а я плетусь тут одна!»

И Лиза собралась всплакнуть. Но не успела. Так как у обочины мягко притормозил знакомый красавчик «шевроле».

Мгновенная радость, охватившая Лизу, едва она услышала шорох протекторов и короткий гудок автомобиля, сменилась разочарованием. Конечно, учитывая трагический Лизин вывод – «Никому не нужна!», появление хотя бы одного поклонника из двух возможных должно было исправить положение. Теперь ей не нужно горько оплакивать свое одиночество в великолепный летний вечер. Но, увы, поклонник оказался не тот.

– Елизавета! – вскричал господин Рудницкий, по пояс высываясь из салона, как кукушка из часов. – Лиза!

Уж он-то точно дрожал от счастья!

– Я, – с трудом натянула на лицо улыбку Лиза. Она использовала для ответа лаконичное местоимение, так как в более длинном предложении почувствовался бы холод.

Черная надпись фломастером на визитке, сопровождаемая жирным восклицательным знаком! Просьба позвонить? Даже не просьба, а требование! Приказ отчитаться в получении букета. Так расценила эту надпись Лиза. Почему Руслан не вложил в цветы бумажку с романтическим четверостишием? Пусть не своим, а лермонтовским... А еще лучше – с изящным японским хокку? Почему он только исчеркал ламинированный прямоугольник черным фло-

мастером? Почему черным? Неужели в природе нет других цветов? Ну, написал хотя бы синим или зеленым...

Как трудно угодить девице, которой вы не нравитесь!

– Я рад тебя видеть, Лиза! Ты получила цветы?

– Ой, спасибо! Розы прекрасны. Прости, что не позвонила тебе. Я собиралась! Но столько работы! Закрутилась, – затараторила краснощекая врушка. Потом Лиза умолкла и поморщилась. Она врала и была сейчас себе противна. Ну почему она должна врать?! Почему она должна делать то, что ей неприятно? Она ненавидит неискренность, ложь! Ей приходится врать из-за него! Из-за его дурацкого букета! Зачем он прислал ей эти чертовы розы?

– Садись?

– Что ты! – отшатнулась Лиза. – Не хочу! На улице так хорошо.

Руслан захлопнул дверцу. Автомобиль заурчал, плавно отъехал на десять метров и остановился в месте парковки. Вновь появившийся Руслан махнул в воздухе рукой с брелком, включая сигнализацию, и пошел навстречу Лизе, улыбаясь и чуть ли не раскрыв объятия.

– Прогуляемся?

– Классная идея! – с досадой кивнула Елизавета.

– Можно я закурю?

– Да ради бога!

– Не помешаю тебе наслаждаться запахами цветов? Тут здорово пахнет.

– Кури, кури, – махнула рукой Лиза. – Люблю, когда от мужчины пахнет хорошими сигаретами.

– Правда?

– Угу.

«Тем более что ароматы цветов вряд ли прорвутся сквозь плотное облако его дорогого одеколona. Что за вода? А, Пако Рабанн, мужская линия... Х-м, я это люблю... Надо же, и туалетная вода у него первосортная. Всем хорош... Хорош до отвращения! Лиза!!! Перестань! Что с тобой? Что за брюзжание? Что мне надо? Вот рядом красивый молодой человек, высокий, стройный. Хорошая стрижка: сзади открывается крепкая загорелая шея, а блестящая челка падает на правый зеленый глаз. А левый глаз, заметьте, тоже зеленый. Отличная сигарета в красивых, сильных пальцах. Кабальеро приятно пахнет дорогой туалетной водой. И у него море денег. А я всем недовольна! Как не стыдно! Пре-кра-ти! И хватит морщиться при каждом его движении. Я к нему несправедлива».

– Ты не обиделся, что я не позвонила? Ты хотел, ждал? – спросила Лиза. Теперь ее голос звучал почти ласково – она уже искренне раскаивалась в необоснованной антипатии к бизнесмену.

– Ждал. Но разве я могу на тебя обижаться, Лиза? Только о тебе и думаю.

– Так сразу? Едва познакомившись?

– Не знаю, но ведь так бывает. Увидел – и потерял голову.

– Удивительно.

– Я и сам... в восторге и ужасе. В ужасе – потому что впервые испытываю подобный натиск ошеломляющих чувств. В восторге – потому что все это чрезвычайно приятно. Лиза, Лиза! Что ты со мной сделала!

Лиза посмотрела на бизнесмена с легким недоумением. Она пришла к некоторым выводам. Первое – в школе по русскому у господина Рудницкого была пятерка. Он свободно оперировал единицами речи (а в трудовой биографии Лизы встречались клиенты, которым для поддержания связи с внешним миром хватало двух выражений – «конкретно» и «ну, ты понял», остро приправленных нецензурной лексикой). И второе – мальчик сбрендил. То есть спятил. Спрыгнул. Крыша съехала. Башню сорвало. Шалаш сдуло.

– Пользуясь случаем, Руслан, хотела бы обсудить вопросы, касающиеся твоего офиса, – перескочила на безопасную тему Елизавета. Она приняла официальный тон, сделала деловое и озабоченное лицо.

Руслан подавил вздох.

– Да. Раз мы встретились, – повторила Лиза. – Все так удачно складывается.

– Несомненно, – покорно кивнул Руслан. – Давай обсудим. Вопросы.

Кажется, он согласился бы и на лекцию о синтезе гормонов в супраоптическом и паравентрикулярном ядрах гипоталамуса, лишь бы продолжать неторопливую прогулку по Оранжевому бульвару под руку с симпатичной малышкой.

– У меня появилось несколько идей... Сейчас. Постой.

Лиза порылась в портфеле-планшете и достала пару эскизов.

– Смотри. Как тебе подобная гамма?

Руслан довольно долго молчал, разглядывая картинки. Лиза ждала гневного протеста. Вообще-то она переусердствовала с цветом. Кроваво-красные стены и черный кожаный диван – мрачноватый интерьерчик! Как раз для триллера, где орудует маньяк-убийца. В первые десять минут фильма он убивает на кожаном диване первую жертву, хитроумно используя в качестве орудия убийства зубочистку. В следующие полчаса зловещие кроваво-красные стены становятся свидетелями еще трех преступлений. И так далее.

Надо признать, эскизы были совершенно сырыми. Не стоило показывать их заказчику. Но ведь Рудницкий имел право спросить, чем занималась Лиза в те дни, что прошли после визита Руслана в «Артиссимо» и заключения договора. Но собирался ли он об этом спрашивать? Вовсе нет. Он и не вспоминал об офисе. Лиза сама полезла на рожон, стремясь избежать их диалог от неприятного ей тона интимности. И теперь она смотрела на рисунки глазами клиента и тихо ужасалась. В вечерней мгле эскизы выглядели удручающе. Нет, в Лизином воображении рисовался другой интерьер. Стильный, презентабельный. Но ведь Рудницкий не имел Лизиного воображения и не знал, как далеко простирается ее фантазия. Кошмар! Что он подумает о ней! Решит, что комплименты Апогея Палыча в адрес сотрудницы были сплошной фальшью, решит, что ему подсунули неопытную дурочку, безрукую дилетантку, не способную отличить рококо от барокко и знакомую лишь с десятью оттенками красного цвета! Но она различает до шестидесяти оттенков красного! Она достаточно профессиональна! Она... Какого черта он оказался на Оранжевом бульваре сегодня вечером? Какого черта он ездит здесь на своем гадком джипе? И почему он выбрал в дизайнеры именно ее! Взял бы Лайму!

«Я в гневе, – сказала себе Лиза. – Я. Девушка, убеждавшая Виолетту, что относится к разряду кротких ангелов. Гнев, алчность, лень, тревоугодие, похоть, зависть, гордость. Список смертных грехов. И всем им я подвластна...»

– Великолепно! Мне нравится! – кивнул Рудницкий, возвращая рисунки.

Лиза замерла от неожиданности.

– Правда?

– Да. А что?

– Я думала, ты будешь сопротивляться.

– Зачем? Дерзай. Твое предложение, безусловно, оригинально.

– Цвет получился слишком насыщенным. Я, конечно, исправлю.

– Лиза! Делай что хочешь. Я доверяю твоему вкусу. Твой начальник отзывался о тебе восторженно.

Впервые за всю дорогу Лиза посмотрела на спутника с явным удовольствием. Клиенты «Артиссимо», как французский сыр, имели множество разновидностей. Они могли быть «капризными», «придирчивыми», «подкованными» и «отстраненными». Наиболее туго приходилось с «подкованными»: они считали себя гениями дизайнерского искусства и знали гораздо больше, чем работники «Артиссимо». «Придирчивые» устраивали истерики. «Капризной»

была Виолетта – она хотела все сразу и ничего из того, что уже сделано. Самыми классными и редкими однозначно были «отстраненные» (например, Маша Здоровякина). Они умели делегировать полномочия и не особо вникали в детали. Они обращались в фирму, снимая с себя груз проблем по обустройству квартиры, и с благодарностью принимали готовый результат...

Неужели Руслан претендовал на почетное звание «отстраненного» клиента? Или он претендовал на какое-то другое звание?

– У меня два флайера в «Найт Сити», – вкрадчиво намекнул Рудницкий. – Давай сходим? Поотрываемся, как студенты. Как молодняк. Хотя ты и есть... Я, конечно, уже на пороге крематория.

– Не смеши!

– Но танцевать еще могу. Двигать полуразрушенными бедрами. Пасодобль, фламенко, румба, хип-хоп. Пойдем? Любишь коктейли? Пойдем?

Руслан преданно заглядывал в глаза. Лиза сделала серьезное лицо.

– Я должна кое о чем тебя предупредить.

– Критические дни, – грустно предположил Руслан.

– Негодяй! – не удержалась Лиза.

– Виноват!

– Нет... Просто... Я не пойду с тобой в ночной клуб.

– Но почему? Протез барахлит?

– Какой протез?! – ужаснулась Лиза.

– Левой конечности. Хорошо, танцевать не будем. Просто посидим в уголке.

– О... – простонала Лиза. – Ты невыносим.

– Я удивительно покладист. Нет, ты куда, поворачивай направо. Клуб там.

– Нет! Руслан! Никуда я не пойду! У меня принцип. Никаких личных отношений с клиентами.

– О, блин! – воскликнул Руслан с таким неподдельным отчаянием, что Лиза улыбнулась. – О, какой кошмар! Никаких личных отношений?

– Ни-ка-ких!

– Пожалуйста, сделай для меня исключение!

– Нет! Нельзя нарушать данное себе обещание. Я знаю, ничего хорошего не выйдет. Я уже обжигалась. Это мешает работе. Офис останется лежать в руинах. Я испорчу свою профессиональную репутацию. Нет. Нет. Нет.

– Я, как выгодный заказчик, настаиваю. Хочу в «Найт Сити». Я клиент, я требую!

– Видишь, уже началось. Ты настаиваешь. Ты клиент «Артиссимо», но не клиент девочки по вызову, пойми.

– Я взорву этот дурацкий офис! – мрачно пообещал Руслан. – Не надо мне никакого ремонта и великолепных красных стен. Хочу гулять с тобой, пока лето не кончилось, хочу танцевать с тобой румбу в «Найт Сити»... И вообще... Выходи за меня замуж!

Они резко остановились. Лиза замерла, оторопев. Руслан, видимо, тоже не совсем ожидал от себя подобной решительности.

– Замуж... – прошептала Лиза.

«Вот оно! То, что предсказывал мне парижский незнакомец! Неужели Руслан? Неужели это моя судьба? Это предначертано свыше? А если я откажусь? Воспротивлюсь? Нет, я что, обязательно должна соглашаться?!» – заметались в голове мысли.

– Ты серьезно?

Руслан не отвечал. У него был слегка озадаченный вид. Вероятно, он вовсе не собирался предлагать себя в мужа так скоропалительно. Слова прозвучали раньше, чем оформились чувства. Но, прозвучав, они вспышкой молнии осветили то, что творилось в душе у Руслана, и ему наконец все стало ясно.

– Да, Лиза, да! Я понял! Выходи за меня замуж! Точно! Это будет отличным решением. Никогда я за тридцать два года жизни не встречал девушки, которая бы столь безоговорочно была мила моему сердцу!

– Нет! Это невозможно! Ты меня совсем не знаешь! К примеру, я не буду стирать твои носки!

– Боже мой, Лиза! Ты полагаешь, я доверю тебе мои драгоценные карденовские носки?

– Нет?

– Да ни за что на свете!

– А вдруг... А вдруг у нас сексуальная несовместимость?!

– Невозможно. Да если вдруг – то я справлюсь. Но не верю. У нас будет сплошной экстаз, блаженство и эйфория. Мы станем неутомимыми марафонцами. Мы изведем всю мебель в моем коттедже, включая люстры. Мы замучаем друг друга до слез. Хочешь попробовать?

Лиза заслушалась. Ее глаза подернулись мечтательной дымкой. Она живописно представляла себе, как это все будет происходить. Последний раз она занималась сексом полгода назад и уже почти забыла, что значит быть скрипкой в руках талантливого скрипача. Соскучилась по мужским объятиям. И... Нет!!! Не с Русланом!!! С сыщиком.

– Никакого секса с заказчиками! – безапелляционно напомнила Лиза.

– Я жених! – проканючил Руслан.

– Я не дала согласия! Ты не жених. Я не невеста. Все. Тема закрыта.

Руслан взял вредную девицу за обе руки, притянул к себе, заглянул в глаза.

– Соглашайся, – твердо сказал он. – Я не обману твоих ожиданий. У тебя будет все. Я положу к твоим ногам целый мир. Поедем куда захочешь. В Папуа – Новую Гвинею. На карнавал в Рио-де-Жанейро. В Австралию. В Антарктиду. Купим все, что пожелаешь. Что ты хочешь? Хочешь – куплю тебе «Артиссимо», а? Апогея отправим в отставку. Хочешь – необитаемый остров! У меня счета за границы. Я добрый, верный. Я уникальный! Я не предаю. Соглашайся! Я чувствую, нам будет хорошо вместе. Лиза, да я с ума схожу!!!

Тысячи, миллионы девиц мечтают услышать подобные речи. Даже если они звучат из уст менее шикарного мужчины. А ведь Рудницкий не был жалким карликом, кривоногим пигмеем, брюзгливым старцем или туповатым уродом. Нет – он был безупречен...

Лиза смотрела в зеленые, жаждущие любви глаза. Слова Руслана звучали настолько искренне (и в той части, где он признавался в чувствах, и в той, где расписывал свои безграничные достоинства), что ему невозможно было не верить...

...Но кто это протиснулся между Елизаветой и Русланом, походя пнув бизнесмена увесистым копытом и обдав девушку желанным запахом нежности и близости? Чья промелькнула тень? Тень балбеса Валдаева. Который еще и шагу не сделал, чтобы завоевать девушку, и уже завоевал ее. Превратности любви.

Глава 12

Микрочип и Эдик сидели тет-а-тет в полной неподвижности. Эдуард держал в руках серебристо-черную селедку – красноглазую, скользкую, остро пахнущую. Кот не сводил с нее глаз. Рыбина по праву принадлежала Микрочипу и являлась его обедом. Человеческий детеныш, маленький, но коварный, свистнул ее из кошачьей миски.

«Тебе это нельзя есть, ты отравишься, – телепатировало животное, не сводя напряженного желтого взгляда с ребенка и рыбы. – Пожалуйста, отдай».

«Она такая большая, с хвостом», – отвечал Эдуардик и рыбу не отдавал.

«Я бы отлично пообедал!»

«А я пообедал супом. Морковка прыгает!» – логично ответил ребенок.

«Ну надо же, какая прыгучая морковка, – с заискиванием просюсюкал Микрочип. – Вот видишь! Ты пообедал. А я голодаю. Отдай сельдь!»

Кот осторожно придвинулся к дитю, но противный младенец тут же сделал страшную рожу. Он не собирался отдавать добычу без кровопролитного боя.

«Будь хорошим мальчиком!»

«А если засунуть ее в стиральную машину?»

«Дурачок».

«Сам дурак. А если положить в мамин принтер?»

«Совсем спятил».

«А если под подушку папе?»

Серебристо-черная рыбина обладала такими удивительными и неповторимыми качествами, что расстаться с ней не было никакой возможности!

– Боже мой, Эдуарденыш! – раздался сверху мамин голос. – Зачем тебе эта рыба? Ох, как же ты пахнешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.